

Кристина
АРНОТИ



ТЫ – МНЕ, Я - ТЕБЕ

серия

*Eterna
l'amour*

Кристина Арноти
Ты – мне, я – тебе
Серия «Eterna-l'amour»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40903289

Ты – мне, я – тебе: Роман / Арноти, Кристина, Пер. с фр. В. В.

Егорова: Этерна; Москва; 2011

ISBN 978-5-480-00258-4

Аннотация

В новом романе Кристина Арноти вводит нас в запутанный лабиринт человеческих взаимоотношений, где каждый готов потерять свою жизнь, чтобы спасти что-то ему дорогое.

Содержание

1	6
2	28
3	41
4	53
5	58
6	79
7	84
8	95
9	98
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Кристина Арноти

Ты – мне, я – тебе

*Франсуа, с любовью, восхищением и
глубочайшим уважением*

*Доктору Патрисиа Абелло, с глубокой
признательностью*

*В память о «Лицах» и с данью уважения
великому кинорежиссеру Джону Кассаветесу*

Christine Arnothy

Donnant donnant
roman

Christine Arnothy. Donnant, donnant

*Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de
la Culture – Centre national du livre*

*Издание осуществлено с помощью Министерства культуры
Франции (Национального центра книги)*

Дизайн переплета – Александр Архутик

© Librairie Artheme Fayard, 2007

© В. В. Егоров, перевод, 2011

© Палимпсест, 2011

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2011

Персонажи и предприятия, которые упомянуты в данном романе, равно как и их имена, внешность или характеры, являются вымышленными, а их личности или их схожесть с любой индивидуальностью или с любым конкретным человеком, живым или уже умершим, является всего лишь совпадением, которого автор не желал и к которому не стремился. Профессии героев или же отсылки к их профессиям, которые сделаны в данном произведении, упомянуты исключительно в целях сохранения целостности повествования. Упоминание их ни в коем случае не следует рассматривать как оценку, осуждение или восхваление автором данных профессий.

1

Пассажиры автобуса, прибывшего рейсом Париж – Лос-Анджелес направились в зал паспортного контроля. Элен была вконец измучена. При отлете ее паспорт, находившиеся в пластиковом кармашке фотографии ее маленького сына Тима и различные лекарства с рецептом врача были тщательнейшим образом проверены. Содержимое ее чемодана, осмотренное перед регистрацией, было удручающе скромным: шелковая ночная рубашка, резко выделяющаяся среди потрепанных джинсов и нескольких маек. Взрывчатки там не было. Затем последовали десять часов полета рядом с начальным соседом, захватившим оба подлокотника кресла.

Наконец-то она в Лос-Анджелесе, но пока официального разрешения там находиться она не получила. Осмотревшись вокруг себя, она заметила видеокамеры контроля. «Сейчас не время выдавать себя», – подумала она. Разогнувшись, она встала в одну из очередей. Здесь никому не нужна калека или женщина в угнетенном состоянии. Безразличие таможенника было наигранным. Он тщательно проверял паспорта и искал на экране монитора фамилии и даты, указанные в документах. При малейшем сомнении в их подлинности пассажира могли задержать и после унижительной проверки его прошлого, вернуть в страну, откуда он прибыл.

А сейчас Элен прибыла из Парижа, несмотря на запрет

видиться со своим сыном. Перед приземлением, заполняя карточку, которую дала ей стюардесса, она письменно подтвердила, что у нее нет конфликтов с американским законодательством в семейном вопросе. Не внесли ее в список возможных нарушительниц общественного порядка? На этот раз она приехала для того, чтобы умереть. Но для того, чтобы умереть с пользой, надо было получить разрешение вступить на землю США.

Желтая полоса на полу призывала пассажиров к минимальной корректности: к соблюдению дистанции между ними. Стоявшее рядом с Элен семейство было довольно шумным. Один ребенок плакал, другой старался прокатить машинку между ног родителей. «Прекрати!» – сказала ему мать. Какая-то седовласая женщина безуспешно пыталась что-то найти в своей сумочке. Стоявший прямо перед ней долговязый тип держал в левой руке свою сумку, а в правой, ближней к таможеннику, сжимал паспорт.

Простояв в очереди минут двадцать, Элен подошла к таможеннику и положила на стойку перед ним свой паспорт. Служащий открыл его и взглянул на экран. Он стал искать фамилию на «А» – на экране фамилий на букву «А» было несколько колонок. Наконец он нашел: Элен Алле, гражданка Франции, уже была в Калифорнии, потом вернулась на родину. Теперь она снова приехала и просит проставить разрешение на пребывание здесь в ее электронный паспорт.

Время словно остановилось. Элен слышала, как билось ее

сердце. Сумел ли ее бывший муж, знаменитый режиссер-постановщик Рудольф Шиллер, замять дело, используя свои связи? Об их разводе много писали в желтой прессе. Потом наступила тишина. Скандал не был в интересах Шиллера. Во время суда, где решался вопрос, с кем останется ребенок, его опытные адвокаты добились проведения закрытого слушания. Судья постановил оставить ребенка отцу. Из-за совершенной ею досадной неловкости Элен было запрещено приближаться на расстояние менее двухсот метров к дому, где жил с отцом ее Тим.

– Есть ли у вас в Лос-Анджелесе друзья?

Она тихо ответила:

– Знакомые.

– Цель вашего приезда?

– Отпуск.

– Где намерены остановиться в Лос-Анджелесе?

– В отеле «Хиллз».

– Собираетесь ли путешествовать?

– Пока не решила.

Служащий дал ей на все три недели. Разрешение было прикреплено к паспорту. При выезде из США надо будет вернуть этот листок в доказательство того, что она не осталась там незаконно.

Элен охватило волнение. Ей всего-то нужно было три часа, чтобы организовать самоубийство.

Очувтившись наконец по другую сторону барьера, она на-

правилась к ленте выдачи багажа. Со всех сторон ее толкали суетящиеся люди. Вещи ехали в беспорядке. Она увидела свой чемодан, подождала, пока он к ней подъедет, и, когда он оказался рядом, попыталась его схватить. Тут к ней подошел какой-то мужчина, стоявший рядом.

– Сейчас я вам его поймаю. Красный чемодан?

– Да. Спасибо. Второй...

Слегка за сорок, лысый, очки в металлической оправе. Любезный мужчина.

– Тут нужно иметь длинные руки... Еще что-то?

– Нет, – сказала она. – Только этот.

– Вы – француженка?

– Да.

– Я тоже. Вы здесь впервые?

– О, нет, – сказала она. – Нет.

Она попыталась уйти. Таща за собой чемодан, быстрым шагом направилась ко второму контролю. Наблюдавший за прибывшими служащий сделал ей знак остановиться. Во время учебы ему говорили, что люди с невинной внешностью иногда могут преподносить сюрпризы. А что, если эта женщина привезла какой-нибудь съедобный подарок? Даже шоколад ввозить было нежелательно. Не привезла ли она с собой какое-нибудь растение, чтобы привить его на местное дерево? Его заинтриговал карман чемодана.

– А что это?

– Шарф, он плохо сложен.

Человек был разочарован, но спросил:

– Не были ли вы недавно в одной из стран, где отмечена эпидемия птичьего гриппа?

– Нет. Я прилетела из Парижа. Там я больных кур не встречала.

И тут же пожалела о своей шутке. К счастью, таможенник на нее не отреагировал. Поколебавшись, он с явным огорчением произнес:

– Проходите.

Элен пошла вперед. «Спокойствие», – сказала она себе. Ей нужно было оказаться в отеле в назначенное время. Ронни, ее приятель по парижскому лицу, в течение многих лет проживающий в Лос-Анджелесе, должен будет снять ее на видеокамеру и сделать фотоснимки. Затем он отнесет снимки в редакцию влиятельной утренней газеты, которая расскажет о смерти молодой француженки на первой полосе под заголовком: «Лишенная права видеться с сыном, после года разлуки бывшая жена известного кинорежиссера Рудольфа Шиллера покончила с собой».

Элен и Ронни должны были встретиться в гостинице во второй половине дня. Она надеялась поселиться в номере, который заказала, – пожелание клиента было принято, но она не получила подтверждения, что ей дадут то, что она хотела. Как только она поселится в столь любимую ею комнату, где она провела столько счастливых моментов, она позвонит Ронни, который должен будет ждать ее вызова в кафе гости-

ницы.

Теперь ей предстояло пройти по нескольким длинным коридорам, чтобы выйти в зал прилета и покинуть здание аэропорта. Сломанное колесо заставляло чемодан подпрыгивать – у нее больше не будет случая выбросить этот чемодан. Затем громадная двухстворчатая стеклянная дверь, зеваки, носильщики, какой-то ребенок, которого мать успела вовремя остановить, – все хотели выйти на улицу в одно время.

Даже если бы Элен привезли контрабандно, с завязанными глазами, и она бы не знала, где от нее отделаются, она сразу же узнала бы запах Лос-Анджелеса, запах, который меняется в зависимости от времени года. Теперь это была смесь аромата жасмина и выхлопных газов.

Одно за другим подъезжали и отъезжали такси. Она стала ждать своей очереди. В этом бесконечном движении машин туда-сюда никто даже не думал сесть в такси без очереди. Горло ее сжалось, когда она подумала об ужасной каше, которую заварила.

Однажды мать, друзья, ее кружок с раздражением спросили ее: «Ну, скажи еще что-нибудь! Каков же Лос-Анджелес? Прекрасный город? Или ужасный? Или просто пыль в глаза?» Она внезапно почувствовала, что у нее не хватает слов. И сказала взволнованно: «Лос-Анджелес? Этот город невозможно описать. Ходишь по нему, осматриваешь его. А он вдруг хватает вас за душу в самый неожиданный момент. Это – словно занятие любовью с соблазнительным и восхи-

тительным мужчиной, когда вы бросаетесь к нему в объятия. Вас охватывает глубокое удовольствие, оно вас гипнотизирует. Вы хотите поговорить с ним, но его уже нет рядом. Вы в растерянности, вы ищете его. Рядом и в воспоминаниях. Стараетесь вспомнить, как он выглядит. Вам кажется, что у него светлые глаза цвета вод Тихого океана, они изменчивы, угрожающе, ласковы, в любой момент открываются в бесконечность. Вы даже не можете его описать, несмотря на то что он оставил отпечаток своего тела на вашем теле. Отныне вы начинаете ждать его каждый день, каждую ночь... Так и со мной: как только я приезжаю в Лос-Анджелес, я сразу начинаю думать о том, что приготовил мне город на этот раз. Я боюсь его и стремлюсь к нему. Мне больше не надо искать приключений: в Лос-Анджелесе я сама становлюсь приключением.» Элен не смела поднять лицо. «Она, как всегда, преувеличивает», – объявила мать и стала предлагать несколько разочарованным гостям пирожные.

Лысый внимательный мужчина, заговоривший с ней при получении багажа, оказался позади нее. «Мы могли бы взять такси на двоих», – предложил он. «Нет, спасибо. Не стоит». Она старалась держаться подальше от живых существ. Для нее сейчас было бы невыносимо, даже если бы об ее ногу потерлась какая-нибудь собака. Ее очередь садиться в такси: надо ли было уступить машину многочисленному семейству? Никто больше не оценивал благородство этого поступка. Шофер бросил чемодан Элен в багажник. «Куда едем?» –

спросил он.

Она забилась на заднее сиденье, ее охватил страх: действительно ли она хотела умереть? Она проглотила четвертинку таблетки успокоительного – тубик с лекарствами лежал в сумочке. Неужели она готова никогда больше не видеть этот город, который был у нее в крови? С этим мегаполисом ее связывали некое родство и какой-то животный инстинкт. Когда в Лос-Анджелес въезжаешь со стороны аэропорта, он представляется простым и спокойным городом несколько провинциального вида. Такси проехало по слабоосвещенным улицам, сделало несколько явно лишних маневров по Колвер-Сити, а затем выехало на бульвар Сансет, такой порочный, такой переменчивый. Несколько километров в темноте, где соединяются начало и конец мира.

Теперь машина направилась к одной из самых известных гостиниц для звезд – прославившемуся начиная с золотого века Голливуда отелю «Хиллз». У Рима есть собор Святого Петра, у Лос-Анджелеса – свой отель-империал. Такси сделало поворот, въехало на широкую полукруглую аллею, которая вела ко входу в гостиницу. Рядом со входом стояли два «роллс-ройса» и длинный лимузин.

Когда такси остановилось, у Элен едва хватило сил, чтобы выйти из машины и расплатиться. На плечи ее навалилось прошлое. «Ты увидишь, двое суток, проведенных в этом отеле, гораздо лучше недели на Карибских островах», – сказал ей когда-то Шиллер. И ему надо было поверить. Их свадьба

состоялась в парке, часть которого была специально отведена для подобного рода праздников. Весь Голливуд окружал молодую француженку, которой удалось выйти замуж за самого соблазнительного мужчину того времени. Чем же она была лучше всех других женщин? Среднего роста, худенькая, карие зрачки на белом перламутре, губы, словно нарисованные ребенком, ресницы Бэмби, костюм цвета слоновой кости и, вероятно, талант. Эта малышка хорошо писала – вот почему она встретилась с Шиллером.

* * *

Ее окружили услужливые молодые люди. Один из посыльных взял ее багаж, потом протянул талончик с номером. «Добро пожаловать!» Она поднялась по покрытым красным ковром ступенькам. По обеим сторонам стояли в огромном количестве азалии такого же цвета. Вход всегда был очень шикарным. Как давно была ее свадьба. «Почему он решил жениться на ней? – спросила одна из гостей во время церемонии. – Почему?»

Она вошла в холл. Под огромной люстрой из венецианского стекла располагалась экспозиция цветов, которая так понравилась ей при первом посещении отеля, – там смешивались лилии, орхидеи и другие экзотические цветы. Двое суток в этом раю с Шиллером, человеком, который сегодня заставлял ее умереть. В холле уже были люди, там ца-

рила обстановка приготовления к празднику. Уже несколько недель тому назад Элен узнала, что очень богатая американка, миссис Кларк-Гаррисон должна была этим вечером устроить прием в честь Шиллера. Вот откуда и взялась эта одновременно губительная и мстительная мысль о том, чтобы умереть здесь, именно в этот момент. Служащие отеля, выстроившись плотной шеренгой, будут пропускать гостей на прием.

Она подошла к ресепшн, подождав, пока оформится чета болтливых стариков. Консьержку явно на время подменяла некая азиатская красотка. Она проверила отметку о резервировании номера по компьютеру временно отсутствующей коллеги.

– Добро пожаловать, мадам Алле, – сказала она, словно они недавно расстались. – Как я рада снова видеть вас! Три ночи, не так ли?

– Да.

– Будьте любезны вашу кредитную карточку?

Она вручила ее служащей отеля, та проверила карточку в контрольном аппарате. Когда кредитоспособность клиентки, бывшей законной супруги Шиллера – «Они уже давно развелись», – прошептал кто-то, – была подтверждена, она вернула Элен кредитку и одновременно вручила ей конвертик с магнитным ключом.

– Номер 311?

– Да, мадам Алле.

– Но я же просила номер 319.

Азиатка изобразила на лице огорчение.

– Нам очень жаль, но этот номер еще несколько дней будет занят. Комната, которую мы вам сегодня предоставляем, находится на том же этаже, с окнами на бунгало и парк. Она вам понравится... Сегодня вечером у нас будет прием, – добавила она. – Если желаете поужинать в «Поло Баре», надо заказать столик. Не из-за приема, просто «Поло» пользуется большим спросом...

– Спасибо, – сказала Элен, начиная нервничать. – Я знаю...

Шикарная гостиница, утонченная. Ни ее свадьба, ни ее запрограммированная смерть не на йоту не смогут повлиять на качество этого отеля, который она боготворила.

Она посмотрела на наручные часы. Семь минут опоздания от намеченного графика. Она спросила служащую, временно заменившую консьержку:

– Меня никто не спрашивал? У меня тут назначена встреча с другом.

Очаровательная девица повернулась к вернувшейся на место коллеге. Та кивнула:

– Миссис Алле? Как я рада снова видеть вас! Вы были такой прекрасной невестой! В том году я только поступила сюда работать...

Элен начала терять терпение:

– Меня кто-нибудь спрашивал?

– Да, приходил какой-то мужчина. Я сказала ему, что, очевидно, самолет задержался с приземлением. Он пошел выпить в бар или в кафе. С ним можно связаться по сотовому телефону. Мы также можем отправить за ним посыльного.

– Спасибо, – сказала Элен. – Спасибо.

Со стороны входа слышался какой-то шум. Начали прибывать первые гости.

* * *

Верный друг Ронни спрятал видеокамеру в черный пластиковый пакет. Он потягивал фруктовый сок в кафетерии полуподвала. Там спиртное не продавалось. Он восседал на высоком стуле, опершись локтями на стойку. Почувствовал, как в кармане завибрировал телефон. Достал его.

– Да?

– Номер 311, – сказала Элен.

– Не слишком ты быстро приехала, – ответил он. – Сейчас поднимусь.

* * *

Элен выключила телефон, направилась через холл к узким и беззвучным лифтам, незаметно встроенным в стены холла. Из первой кабины вышла какая-то молодая женщина

в черном костюме. В глубоком вырезе ее пиджака сверкал бриллиантовый кулон. Элен показалось, что она уже видела эту женщину, скорее всего в каком-то иллюстрированном журнале. Она знаменита, но чем? Они прошли мимо друг друга, но их взгляды встретились.

На четвертом этаже Элен вступила в широкий коридор, стены которого были увешаны коврами с вытканными на них пальмовыми листьями. Посланный администрацией носильщик появился в другом конце коридора. Завидев ее, он устремился вперед и открыл своим ключом дверь номера 311. Бросив ему короткое «Хелло!», Элен вошла в комнату. Носильщик поставил чемодан в прихожей. Элен дала ему пять долларов и вошла в большую комнату, один уголок которой был обставлен как салон. Кровать под балдахином скромно пряталась в алькове. На столе перед одним из выходящих в парк окон стояла табличка с надписью «*Welcome home*». Какой же это волшебник по приему или специалист по коммуникациям выдумал это «*Добро пожаловать домой*»?

Элен снова позвонила Ронни. «Ты что, заснул? Комната 311». В ожидании его она открыла чемодан. В одной стороне лежали документы, толстая пачка фотографий, воспоминания об ее жизни с Шиллером. На них они втроем. Она вспомнила: когда их снимали, он всегда настаивал на том, чтобы ребенок был у него на руках.

Ронни постучал в дверь – тихие возбужденные удары, –

Элен открыла ему. Быстрое приветствие.

– Приятным ли было путешествие?

Таков уж был Ронни: примитивный и трогательный, иногда его неловкость вредила ему. Спрашивать у человека, который приехал для того, чтобы умереть – пусть даже он полагал, что это должно было быть только инсценировкой, – было ли приятным путешествие! Он был весь растрепан, рубашка расстегнута, плохо выбрит, белки глаз были налиты кровью.

– Ты уже внизу что-то выпил?

– Фруктовый сок.

– А до того?

– Ты что – следователь?...

Он увидел в углу мини-бар и устремился к нему.

– ...Можно?

– Да.

Он схватил бутылочку коньяка, отвернул пробку и в два глотка вылил в себя ее содержимое. Потом посмотрел, как Элен уже начала прикреплять к стенам около кровати увеличенные фотоснимки.

– Ты непременно хочешь, чтобы увидели эти снимки?

– Я больше ничего не желаю объяснить. Ты получаешь от меня две тысячи долларов за то, что снимешь все на видеокамеру, а потом сделаешь снимки. И потом продашь материал тому, кто предложит больше...

– Ты хочешь, чтобы я еще и деньги с них потребовал?

– Так предусмотрено планом. Мое самоубийство и скандал вокруг Шиллера принесут много денег.

– Мы их разделим с тобой?

– Нет.

– А что я им скажу?

– Что ты... был моим лучшим другом. Что не знал точно, для чего была нужна эта ужасная инсценировка.

– Я не согласен. Что я им предлагаю? Снимки последних минут жизни подружки или инсценировку?

– Я тебе гарантирую: я спасусь в самую последнюю минуту. Но благодаря этому поступку, пусть и неудачному, бывшая жена Шиллера получит право видеться со своим ребенком.

Ронни принялся кругами ходить по комнате.

– Моя роль в этом более чем сомнительная. Или я знаю, что ты притворяешься, и в этом случае я становлюсь мошенником, или я знаю, что ты умираешь, и тогда я – сообщник.

– Да нет же! Не надо хныкать. Мы имеем дело с типом, который нас обманул. Мне просто хочется содрать с него шкуру.

Ронни весь покраснел от возбуждения и страха.

– А тебе известно, что сегодня здесь состоится прием в честь Шиллера?

– Конечно.

Она протянула Ронни конверт с двумя тысячами долларов.

– Вот твои деньги. И пошевеливайся: я хочу, чтобы снимки были очень драматичными. Или убирайся отсюда, управлюсь и без тебя.

– Я тебя не брошу, – неуверенно произнес он.

Они принялись за работу. Она продолжила украшать фотографии стены вокруг кровати с балдахином. Свадьба. Шиллер и она. Свидетели. Прием в парке отеля. После свадьбы, у них дома. Элен с ребенком. Он с ребенком.

Ронни отступил назад и посмотрел на это произведение искусства.

– Ты с самого начала была великолепным сценаристом, но и как постановщик ты тоже сильна. Ты меня обманываешь!

– Ты слишком много болтаешь!

– Мне хочется все это бросить, – говорит он. – Забери назад свои деньги...

Она почувствовала, что ее план оказался под угрозой срыва. Придя в ярость, она набросилась на Ронни с оскорблениями:

– Ты просто трус! Пьяница и трус!

Это встряхнуло его.

– Ты полагаешь, что все это позволит тебе раздавить Шиллера?

– Да, надеюсь, что эта история с самоубийством поможет... Так что, продолжаем или ты сматываешься отсюда?

– Остаюсь.

Шиллер в интервью, которые он давал знаменитым сплет-

ницам, освещавшим жизнь звезд в прессе и на телевидении, рассказывал что у него была любовная связь с французской подружкой по имени Элен, которая была очень талантлива в написании сценариев для кинематографа. Разве она не была редкой сценаристкой, которая говорила и писала на английском, как на родном языке? Шиллер был на вершине славы, обладал исключительной силой соблазнения. Публика толпами валила на его фильмы, три последние картины принесли ему много денег. В тот момент, когда Элен была наиболее уязвимой, он ее обманул и забрал у нее главное, что было в ее жизни: ее ребенка. Во время судебного процесса она по сравнению с ним и его сфальсифицированными аргументами весила не больше птичьего перышка.

– Из-за ребенка люди не умирают.

– Нет, умирают... – холодно ответила она.

Нахмурившийся, но не обиженный, Ронни соблазнился двумя тысячами долларов в конверте и деньгами, которые должен был получить от газеты. Он рассчитывал на ловкость Элен, на то, что ей удастся ночью выехать из отеля и вернуться домой. Таков был план.

Заблудившийся в двадцатилетнем возрасте в Калифорнии француз, он стал одним из многих, кто надеялся на то, что однажды его заметят на кастинге. Он занимался всем, чем придется. Работал официантом в кафе или играл, мухлюя, на тротуаре в шахматы. Он спал с второстепенными актрисами или актерами в зависимости от обстоятельств. Он

верил в то, что половые контакты принесут пользу. Ему удалось сняться в массовке в одном приключенческом фильме, но сцена с ним была вырезана при монтаже.

В этой питавшейся надеждой и перемешанной неудачами толпе Элен совершенно случайно обнаружила этого приятеля по лицу, который в подростковом возрасте, так же как и она сама, бредил Америкой. В то время она была в составе группы из дюжины трудолюбивых, выжимаемых как лимон, сценаристов. Она попала в нее благодаря связям. Ее тетка, владелица ювелирного магазина, где продавались украшения времен сороковых годов, знала некоторых звезд. И она попросила одну из них, по фамилии Сольвейг, помочь пристроить племянницу. Однажды, в ходе рабочего дня, Элен удалось «убрать» одного бессменного героя из сериала, который снимался уже четвертый сезон. Шиллер сразу же обратил на нее внимание. Спустя несколько месяцев после этого Ронни явился на просмотр к Шиллеру, а тот направил его к Элен, предоставив право принятия окончательного решения. Ронни на роль не подошел.

Две фотографии с Шиллером и Элен сорвались с ковра и упали рядом с кроватью.

– Оставь, – с нетерпением в голосе сказала Элен. – У нас нет времени... Света тебе достаточно?

– Н-да, – произнес он. – С цифровой кинокамерой я мог бы снять репортаж и в могиле... Где тут у тебя туалет?

Она указала на ванную комнату.

– Рядом.

Он вернулся, заканчивая застегиваться.

– Вот это ванная! А кабина для душа... королевская! Из розового мрамора, несколько струй. Из нее даже выходить не хочется.

Она пожала плечами и осмотрела оформление опытным взглядом помощника режиссера – эту работу ей тоже приходилось исполнять. Затем она прошла в ванную, нанесла легкий макияж и проглотила четвертинку таблетки успокоительного. Она заверила Ронни в том, что во флаконе, который она выпьет на его глазах, были всего лишь безобидные пилюли. Он поверил. Теперь на ней была песочного цвета шелковая ночная рубашка, купленная на распродаже в одном из бутиков на улице Матиньон.

Раздался звонок. Горничная поинтересовалась, не нужно ли приготовить кровать ко сну. «Нет, спасибо. Я с этим справлюсь». Женщина опустила руку в белой перчатке в большую коробку, взяла оттуда несколько печений, положила их на тарелку и протянула ее Элен. Так уж в этом отеле было заведено: для вновь прибывших клиентов в номере всегда стояла корзина с экзотическими фруктами, а кроме того им предлагались печенья, иногда даже шоколад.

Элен закрыла дверь. Ронни взял несколько печений и проглотил их одно за другим. На подбородке у него остались следы шоколада.

– Вытри рот, – сказала ему Элен.

Ронни послушался, но вдруг увидел бутылку шампанского в ведерке около входной двери.

– Это ты заказала?

– Это предназначено для вновь прибывших постояльцев. Не трогай, мне нужен трезвый оператор...

Это вызвало у Ронни раздражение.

– Не беспокойся, я могу выпить бутылку и глазом не моргну. Можно, я возьму ее с собой?

– Нет, мелкий воришка! В этом отеле так не принято... Кстати, когда будешь уходить, постарайся, чтобы тебя никто не заметил.

– А как ты?

– Я уйду до того, как выйдут утренние газеты. Приеду к тебе, как мы договорились. В газетах будет опубликовано только о попытке самоубийства... Ронни, после съемки ты должен скрыться, подготовить материалы и отнести их в редакцию газеты.

– Я свою работу сделаю, – сказал Ронни, – но в случае катастрофы жалеть тебя не буду... У меня есть деньги, – добавил он, – но мне еще нужно письмо для прикрытия. «Мой друг Ронни по моей просьбе снял на пленку разыгранную мною сцену самоубийства...»

– Это письмо на столике.

Ронни взял конверт и посмотрел на письмо.

– Хорошо.

Она легла на кровать, потом стала на ощупь рыться в сво-

ей сумочке, лежавшей неподалеку на покрывале. В стакане на ночном столике уже была налита вода. Она достала флакон со снотворным.

– Все готово, Элен?

– Мотор! – произнесла она.

И услышала свой голос: «Я, Элен Алле, оставляю полное досье относительно моего развода с Рудольфом Шиллером. Эти документы я хочу передать в газеты “Утро” и “Старлайт”. Каждое из этих издательств может сделать выбор и зарезервировать за собой право на издание. Кроме того, я даю разрешение телеканалу, который заинтересуется этими материалами, показать сцену моей смерти...»

Ронни выключил камеру.

– Для умирающей ты очень говорлива! Не проще ли было оспорить усыновление?

Она крикнула:

– Нет! К Шиллеру невозможно подступиться. Снимай!

Он снова включил камеру.

– ...Я также хочу, чтобы были фотографии. Хорошо? – добавила она.

Ронни защелкал своей «лейкой».

Она уже начала чувствовать тяжесть в теле. Надо было держаться.

– Я больше не желаю разговаривать.

– Что ж, тогда я пошел? Ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Убирайся, – ответила она.

Дверь за фотографом закрылась. Она приподнялась на локте, высыпала в ладонь таблетки, поднесла их ко рту, взяла стакан с водой и проглотила все. Почувствовала, как таблетки прошли по пищеводу. Мало-помалу ее начало охватывать оцепенение. Она протянула руку к телефону, чтобы набрать «Не беспокоить». Она не знала, достаточно ли сильно нажала на клавиши. Ее окутал запах диких лилий, запах ее детства. И она погрузилась в небытие.

2

Ронни не видел никакого смысла в этом притворном самоубийстве. «Неужели можно так сильно любить ребенка, чтобы из-за этого умирать? Это походит на психическую болезнь. Может быть, она хочет снова привлечь к себе внимание?» – подумал он, радуясь тому, что сам он счастлив и свободен. Он-то если и женится, то по расчету, на какой-нибудь американке, которая сможет помочь ему сделать карьеру. Но иметь ребенка? Это же – ад крошечный! Он уже не раз видел, как некоторые из его приятелей жили в маленьких квартирках с плачущими детишками, а бывшая соблазнительница в пеньюаре доставала грудь, чтобы накормить самого младшего из них. Быть свободным и бедным? Это же – рай. Ему еще представится случай осуществить свою мечту... У его подружки Элен замужество в Голливуде не сложилось. Ей надо было бы оставить ребенка у своей матери во Франции, получить американское гражданство и водить Шиллера за нос... Ведь столько женщин именно так и поступили бы... Но не Элен. У нее был большой недостаток: она спала с мужчинами, в которых была влюблена. И никогда не делала это по расчету.

Ронни направился прямо к лифту, кивнул вышедшей оттуда паре. Очутившись на первом этаже, он зашел в туалет, достал из кармана и повязал галстук, сполоснул лицо водой

и, не сумев устоять перед искушением, насыпал на тыльную сторону ладони дозу кокаина и вдохнул ее в себя ноздрями. После чего он вышел в холл и смешался с толпой участников приема, наполнивших салоны в другой стороне отеля. «Просто посмотрю, почувствую запах денег и власти», – сказал он сам себе.

Видеокамера в черном пластиковом мешке была спрятана у него на боку, фотоаппарат «лейка» висел на шее на матерчатом шнурке и был небрежно прикрыт длинным белым шелковым шарфом. Вовсе не желая нарушать инструкции Элен, он все-таки надеялся тайно сделать там и сям несколько снимков. «Лейка» должна была дать ему возможность перехватить какой-нибудь взгляд, какой-нибудь жест, запечатлеть на пленке чей-нибудь профиль.

Толпа гостей представляла собой тихие разговоры, шепотки, элегантные манеры. Гости Элизабет Кларк-Гаррисон, производители и продавцы бриллиантов – она прежде всего хотела доставить удовольствие Шиллеру, который мечтал снять фильм из жизни этого света, – представители киноиндустрии, утонченные женщины, о чем-то разговаривали друг с другом. Глаза всех присутствующих были устремлены на известную топ-модель. Она была ростом метр восемьдесят восемь, в этот вечер на ней сверкало одолженное у некоего ювелира кольцо из австралийского жемчуга – это сказочное кольцо, как утверждали окружающие, стоило около миллиона долларов. Она надела сандалии без каблука, чтобы не сму-

щать богатых мужчин, которые были ростом ниже ее.

В буддистский период своей жизни Ронни верил в то, что когда-то его душа вселится в сокола. Его взгляд, как луч лазера, сканировал лица. Сколько потерянных портретов! Его «лейка» жгла ему грудь. Он увидел Шиллера, окруженного толпой почитателей. Этот профиль, этот чувственный нос, эта агрессивно выпяченная нижняя губа, эта золотистая шевелюра: какая была бы обложка! Мимо прошел официант с подносом бокалов шампанского, Ронни взял бокал, проглотил его содержимое и потом пошел искать, куда бы поставить хрустальный сосуд. Присутствие стольких шикарных гостей, одна фотография которых могла принести целое состояние, опьяняло его.

Он почувствовал безумное желание, почти физическую потребность предать Элен, эту временами красивую девушку, которая так и не смогла удержать в руках свою удачу. Его охватила дрожь, он захотел морально опуститься, продаться, пожертвовать своей частью и крепкой дружбой в обмен на обещание какой-нибудь роли. Подойти бы к Шиллеру и шепнуть ему на ухо: «У меня есть информация, которая может доставить вам много неприятностей». Шиллер бы узнал его, не поверил бы, но спросил бы: «Сколько?» – «Вы, кажется, собираетесь делать ремейк *“Человека с золотой рукой”*. Меня бы устроила роль Синатры».

Рядом с режиссером стояли две женщины, выставляя напоказ ослепительно-белые улыбки и едва прикрытые лос-

кутками материи груди. Эти девицы, мечтающие о Бродвее, о какой-нибудь роли в музыкальной комедии, умели танцевать, петь, складно говорить. Натасканные агентами, получившими свой процент – они вернули бы им деньги с первых гонораров, – все подобные девицы хотели пробиться на большой экран. А сейчас они надеялись привлечь к себе внимание Шиллера, остаться в его памяти.

Ронни с сожалением вспомнил, что ему надо было вовремя доставить снимки в редакцию какой-нибудь влиятельной утренней газеты. Он решил позвонить Элен, чтобы узнать, что она делает, скоро ли покинет гостиницу. Ему захотелось немного ободрить ее. Сказать ей: «Если еще задержишься, закажи ужин в номер». Она могла сухо ответить, что не нуждается в его советах, и упрекнуть за то, что он все еще болтается по салонам. Она приказала бы ему уйти из отеля.

И он заколебался. Если бы он мог взбодриться еще одной дозой кокаина, он стал бы более уверен в себе и, возможно, рискнул бы.

* * *

Элизабет Кларк-Гаррисон разговаривала с вдовой одного промышленника. Та спросила, как шли дела у Гаррисона.

– Я была в отчаянии, когда узнала, что у вашего отца были проблемы с сердцем...

Элизабет отрезала:

– Он поправился. Отец – человек крепкий, его хорошо лечили.

Женщина нервно прошептала:

– Мне кажется, вы стали специалистом в области бриллиантов...

Элизабет подавила раздражение.

– Это ремесло является частью моей жизни.

– Вам есть с кем посоветоваться... У меня к вам просьба.

– Слушаю вас.

– Мне бы хотелось оценить мои черные бриллианты. Редкие камни.

Элизабет сухо ответила:

– Обратитесь в магазин «*Кляйн энд Кляйн*» на Родео-Драйв. Я такими вещами не занимаюсь.

Отвернувшись от вдовы, она заметила фотографа, стоявшего около стены с гобеленами из Бордо. Этого типа она смогла бы узнать даже в крошечной темноте: разве не он тайно снял Гаррисона в кресле-каталке, когда того вывозили из холла больницы и везли к лимузину? Ей стоило больших трудов добиться, чтобы этот снимок не был опубликован. Охваченная гневом, она прошла сквозь толпу, лишь чудом не наткнувшись на огромный серебряный поднос с канапе из лососины. «*Простите*», – произнес официант. Элизабет подошла к одному из старших охранников.

– Я очень недовольна, – сказала она ему. – Если вы немедленно не примете меры, я никогда больше не обращусь за

услугами в ваше агентство. Видите типа, что стоит у той двери? В белом шарфе.

– Да, – озабоченно ответил охранник.

– Это – фотограф. Он не должен быть здесь. Надо немедленно убрать его отсюда. Он представляет опасность для моих гостей. Вышвырните его вон.

– Мои люди незамедлительно им займутся, – ответил старший охранник, на которого гнев миссис Кларк произвел большое впечатление.

– Вы допустили небрежность! – воскликнула она. – С этой стороны никто не должен входить без приглажительного билета.

Начальник службы безопасности что-то сказал своим охранникам и ушел с одним из них. Элизабет вернулась к гостям, не спуская глаз с Ронни, к которому через несколько минут подошли два человека и почти вынесли его из зала.

Этот прием Элизабет организовала, чтобы понравиться Шиллеру. Он явился сюда вместе с продюсером своего будущего фильма *«Потерпевшие кораблекрушение»*. Ее компания не занималась финансированием фильмов в Голливуде. Узнав о том, что для съемок фильма нужны были деньги, Элизабет без колебаний предложила крупную сумму в обмен на то, что ее сын Джимми получит в фильме главную роль. Но с такими людьми надо было быть очень осторожными. Они «не продавались», все надо было обставить как помощь киноискусству, финансовую поддержку.

В своем черном костюме от Сакса, она была ослепительна. Ее подвеска с бриллиантом в двадцать девять карат вызвала всеобщую зависть. Она переходила от одной группы гостей к другой, затем остановилась рядом с Шиллером и его продюсером, новичком в этом обществе. Это был русский, он только начинал заниматься этим ремеслом, но был уже горделив и недоверчив.

– Извините, меня задержали знакомые из Нью-Йорка. Господин Воров...

Она протянула ему руку. Русский поцеловал ее. За пять лет Воров сделал себе в Голливуде имя. Он хотел добиться признания в качестве продюсера волнующих фильмов с очень острыми сюжетами – политика, наркотики, война. Он уговорил Шиллера снять *«Потерпевшие кораблекрушение»*, сценарий которого купил за сотню тысяч долларов. Постановщик сохранил только главную тему, а остальное выбросил. У него была своя личная команда сценаристов. Сам он никогда ничего не писал: просто говорил, какой он хотел бы видеть данную сцену, и ему ее описывали. Неудачные сцены он просто-напросто отбрасывал в сторону, как и их авторов. Когда несколько месяцев тому назад Элизабет обратилась к Шиллеру, тот рассказал ему о Джимми Кларке: «Парень очень красив. Из богатой семьи. В этой роли он покажет пример, которому лучше не следовать». Кроме того, Шиллер, не будучи до конца в этом уверенным, сказал, что у Элизабет, очевидно, были именно такие проблемы с сыном, и

парню надо было дать смысл существования.

Действительно, сюжет фильма касался предмета особого беспокойства Элизабет. В настоящее время Джимми под строгим присмотром проходил реабилитацию после лечения от наркотической зависимости и, казалось, не интересовался ничем, кроме кино. Мать заставила его переехать в Лос-Анджелес, чтобы разлучить с его подружкой Хлоэ, английской студенткой, которая увлекла его в падение по наклонной плоскости.

Воров с уважением, к которому примешивалась игривость, посмотрел на эту богатую женщину, подпитывающую его фильм свежими деньгами.

– Конечно, – повторил он, – мы будем рады видеть вашего Джимми, но вначале он должен будет пройти кастинг.

Шиллер снова взял бразды правления в свои руки.

– Все будет сделано, как вы хотите... И еще раз спасибо, Элизабет, за этот великолепный прием в мою честь.

– И за «Потерпевших кораблекрушение», – добавила она. – Этот фильм служит благородному делу.

Шиллер старался не упустить ни единой возможности.

– В случае удачи фильма, надеюсь, вы сможете мне снять фильм моей мечты. Я вам уже о нем говорил. «Глаза бриллианта»? Одиссея ювелира из Антверпена, который уехал в Индию, чтобы достать эти сокровища, и который умирает в поисках их...

– Готова буду помочь вам, если вы возьмете на работу

Джимми.

Воров решил вмешаться:

– Для нас очень много поставлено на карту. Вы должны показать нам вашего сына, чтобы мы могли познакомиться с нашим возможным главным героем...

До сего времени Воров и Шиллер видели только фотографии Джимми. Личная встреча должна была состояться в конторе Шиллера в конце недели. Воров добавил:

– Надеюсь, у него есть талант...

И тут же пожалел об этой оговорке. Вмешался Шиллер:

– ...Если он фотогеничен, половина дела будет сделана.

– Он красив как бог, – сказала Элизабет, – и, уверена, очень способный.

Шиллер подумал: «Еще одна мамаша, безумно любящая своего отпрыска... Но эта мамаша очень богата».

Воров вознамерился уходить, Шиллер его остановил:

– Мне бы хотелось, чтобы вы увиделись с Сольвейг, она будет играть роль матери юного наркомана.

– Я знаком с Сольвейг, – сказал Воров.

– Мне бы хотелось, чтобы вы установили более личный контакт с ней. Ей надо польстить. Послать ей несколько орхидей...

Элизабет ослепительно улыбнулась.

– Пройдите в другой конец салона: там установили столы, мне хочется угостить вас легким ужином.

Когда охранники стали выводить Ронни из зала, он запротестовал:

– Вы не имеете права так обращаться со мной!

– У вас нет приглашительного билета на прием.

– Я был у подруги, которая живет в этом отеле. Позвоните ей, она подтвердит мои слова.

– Вы не должны были проходить в салоны.

– Я зашел только посмотреть...

Гости продолжали прибывать.

– Отпустите меня, иначе я буду жаловаться! Возможно, вы имеете право выпроводить меня с приема, но не из отеля, куда я был приглашен. Вы не понимаете, что ограничиваете свободу передвижения граждан?

Они отпустили его на верхней площадке лестницы. Поправляя помятый пиджак, он вынужден был посторониться: пришла Сольвейг, героиня будущего фильма Шиллера, в сопровождении телохранителя и аккредитованного фотографа. «Я их уничтожу», – сказал себе Ронни. Сейчас он отправится домой и приготовит фотоматериалы в дополнение к видеозаписи. Быстрым шагом он удалился от суеты при входе в отель.

Бульвар Сансет был погружен в темноту и освещался лишь кругами света вокруг уличных фонарей. Ронни отыс-

кал свою машину, сел в нее и тронулся в путь.

* * *

Обеспокоенная тем, что заметила фотографа, Элизабет решила лично провести расследование и направилась к ресепшн. У нее было впечатление, что замысел этого вечера сорвался, что Сольвейг не придет. Что она не захочет впервые в жизни играть роль матери и не подпишет контракт, согласно которому ее имя будет среди исполнителей фильма *«Потерпевшие кораблекрушение»*.

Консьержка, у которой на лацкане пиджака был приколот «золотой ключик», сразу же узнала ее.

– Мисс Гаррисон, чем я могу быть вам полезна?

Элизабет была само очарование.

– Мне хотелось бы получить кое-какую информацию. Сегодня на приеме я увидела некоего фотографа-папарацци. И поставила об этом в известность мою службу безопасности. Теперь его тут нет... Но мне кажется, что при организации приема вы не очень внимательно проследили за наличием пригласительных билетов. Мне бы хотелось знать, куда он шел и кто его пригласил в отель.

– Наши правила не позволяют разглашать подобную информацию, – сказала консьержка. – Мы никогда и никому не сообщаем сведения о наших клиентах.

Присоединившийся к разговору менеджер прошептал ей

на ухо свои аргументы. Консьержка тут же произнесла:

– Но для вас мы можем сделать исключение, мисс Гарри-сон. Вы зарезервировали у нас три номера для ваших гостей из Нью-Йорка и соизволили провести у нас ваш прием. Клиентку, которая ждала этого мужчину, зовут Элен Алле.

Элизабет вспомнила о молодой женщине, с которой встретила у лифта.

– Молодая темноволосая женщина, довольно симпатичная? – спросила она.

– Да. Она уже второй раз почтила нас своим визитом. Она здесь вышла замуж за господина Шиллера.

Менеджер вежливо пояснил, что Элен Алле провела здесь также несколько дней во время свадебного путешествия.

– И вы ее не забыли?

– Нет. Кажется, они потом развелись, потому что она вернулась во Францию – когда точно, сказать не могу. Вернувшись сюда, она выбрала наш отель. И попросила зарезервировать тот же самый номер, 319. Но у нас к этому моменту свободным был только номер 311.

– Красивая история, – прокомментировала подошедшая клиентка гостиницы. – Красивая история...

– Благодарю, – сказала Элизабет.

Она стала думать о причинах присутствия здесь Элен Алле. И тут вспомнила про бракоразводный процесс.

Про то, как долгие месяцы шла тяжба по поводу того, с кем останется ребенок. Как потом все вдруг закончилось, и

дело покрылось тайной и безмолвием. Мысль о том, что молодая женщина притащила сюда фотографа, очень обеспокоила Элизабет. Скандал вокруг нее или ребенка стал бы губительным для Шиллера.

3

Движения элегантной толпы были похожи на ласковые морские волны. Вновь прибывавшие гости встречались с теми, кто собирался уходить. Шиллер сгорал от нетерпения: Сольвейг очень задерживалась, продюсер Воров уже ушел, а Элизабет Гаррисон куда-то пропала. Он решил подождать Сольвейг в холле, но тут к нему подошла какая-то девица с огромными голубыми глазами. Вьющиеся волосы доходили ей до пояса, а взгляд старался встретиться с взглядом режиссера. Он остановился.

– Вы хотите со мной поговорить?

– Как и все тут. Я так восхищаюсь вами, господин Шиллер.

В том состоянии возбуждения, в котором он находился, даже лесть была излишней.

– Спасибо. Вы очаровательны.

Девица махнула рукой.

– Меня зовут Дженнифер.

– Вы, несомненно, несовершеннолетняя.

– Это не имеет значения, – сказала она. – Я просто хотела сказать вам, что жду главной роли моей жизни.

– И кто же пригласил вас на прием?

Она пожала плечами.

– У вас столько ассистентов, стажеров. Всегда найдется

человек, который захочет оказать мне услугу. Я хотела бы участвовать в кастинге для фильма «Потерпевшие кораблекрушение».

– Сообщите-ка мне имя вашего приятеля, который вас сюда пригласил, – сказал Шиллер. – У вас должен быть приглашенный билет.

– Он у меня есть, – произнесла она. – Этот друг верит в мой талант.

Взяв ее за плечи, Шиллер слегка отодвинул ее в сторону.

– Хорошо. Дело сделано: я вас увидел. Теперь дайте мне пройти...

Потом ему в голову пришла коварная мысль, а не поиздеваться ли над ней немного, только, чтобы бросить ей наживку. Чтобы дать ей надежду.

– А если у меня возникнет желание сделать с вами пробы?

– В таком случае вам надо будет всего лишь сказать вашим ассистентам: «Хочу мини-Монро». Они поймут, о ком идет речь, и найдут меня, я уже долгое время осаждаю их с просьбой свести нас.

Молодая и умная. Слишком красивая, чтобы не быть источником осложнений.

– До встречи... может быть, – сказал он, отходя от нее.

Он стал искать двух женщин, от которых зависела его жизнь: Элизабет и Сольвейг. И позвонил своей звезде.

– Алло?

– Я жду тебя, моя прелесть, – сказал он, скрипя зубами.

– Я нахожусь в холле с журналистом из «*Голден Пипл*». Он только что переговорил с редакцией. Ему обещали первую полосу.

– Сейчас я к тебе подойду.

Шиллер с трудом сдерживал злость. Чтобы Сольвейг была одна на обложке «*Голден Пипл*»? Было слишком рано расхваливать достоинства «его» будущего фильма. Он направился в центр холла. Она там позировала перед главной композицией цветов.

Сольвейг была неуязвима. Место и дата ее рождения были изменены с самого начала ее карьеры. Ее биография? Там все было перепутано: народы и исторические события. Там были немцы, русские, англичане, Вторая мировая война, эмиграция. В двухлетнем возрасте она тайно приехала в США, но когда именно? В десять лет у нее появился «покровитель». Когда ей официально исполнилось шестнадцать лет, она снялась в своем первом фильме. В то время надо было сделать ее старше: человек, который «заботился» о ней, рисковал быть обвиненным вначале в педофилии, а потом в растлении несовершеннолетней.

– Я сниму вас вдвоем? – спросил официальный фотограф.

Шиллер обнял Сольвейг за талию – он рассчитал движение, чтобы подставить перед объективом свой красивый профиль.

– Надеюсь, для первой полосы, – сказал он. – Можете добавить к снимку слухи о нашей предстоящей свадьбе...

Фотограф сделал несколько снимков.

– Теперь пойдём, – сказал Шиллер Сольвейг. – Могу я предложить тебе бокал шампанского?

В это время служащий отеля принес ему записку.

– Господин Шиллер...

– Да?

– Это вам.

Он развернул бумажку. Там были всего две строчки, написанные рукой Элизабет: «Сожалею, но меня срочно вызвал отец. Передайте от меня привет Сольвейг и займитесь гостями. Объясните все Борову. Спасибо».

Он повел Сольвейг в салон, обнимая правой рукой ее талию. Гости перестали бродить по залу и выстроились в два ряда для почетного приема. Сольвейг приветствовала их символическими поцелуями, время от времени сдувая их с ладони, – «поцелуйчики», улетающие, словно бабочки, как она однажды сказала одному репортеру. Шиллер был сбит с толку, почувствовав под черными кружевами и шелком нечто вроде каркаса, который должен был делать все такой же тонкой талию его кино дивы. Он бы охотно пощупал, чтобы узнать, есть ли и впрямь что-то между телом и тканью, но не посмел этого сделать.

– Миссис Кларк-Гаррисон счастлива и польщена твоим присутствием здесь. Увы, ей пришлось уйти: проблемы в семье.

– Семья? Это все извиняет, – сказала Сольвейг. – А вот у

меня семьи нет. Зато намного меньше проблем, не так ли? Ну, так что насчет шампанского?

Шиллер взял бокал со стоявшего на столе подноса. По легенде, Сольвейг пила только минеральную воду, ела миндаль и сухофрукты. Каждое утро она принимала по кофейной ложке оливкового масла для питания кожи. Именно в этом она призналась в одной из статей, посвященной диете.

– После приема, как договорились, – заверил Шиллер, – мы отправимся ко мне, и я покажу тебе комнату Тимоти... спящего Тимоти. Моему сыну уже семь лет. Как же он красив! Я начинаю объяснять ему правила игры в американский футбол... К несчастью, у него конституция европейского типа, как у его матери. Он не такой мускулистый, как наши американские дети...

Сольвейг сделала вид, что это ей было интересно. Шиллер в настоящее время был ей очень нужен. Все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Выйдя за него замуж, она могла бы сняться в трех фильмах за четыре года. Да, внешность позволяла ей сниматься в течение четырех лет. А потом должен наступить ужасный момент: появятся морщины, лицо потеряет приятную овальную форму. От страха у нее по телу побежали мурашки.

– Я захватила чемодан... самое необходимое, – сказала она. – Но мне хотелось бы сегодня развеяться.

Они прошли в двойной зал приемов. В отсутствие Элизабет Шиллер должен был заботиться обо всех гостях. Увидев

в углу два кресла, он отвел туда Сольвейг.

– Подожди меня здесь секундочку.

– В одиночестве?

– Пару минут, сокровище мое.

Он увидел своего самого расторопного ассистента.

– Ступай посиди с Сольвейг. Живо. Поговори с ней...

Сольвейг только что уселась в одно из глубоких кресел. И сразу почувствовала себя очень неудобно. Нижний край сделанного на заказ в Японии корсета сдавил ей ягодички в горизонтальном направлении. Словно экватор железным ободом сковал землю. Но надо было терпеть. Вытянув свои длинные ноги, она стала любоваться итальянскими туфлями. Переплетение полосок крепило подошвы и высокие тонкие каблуки. Перед ней вырос посланный Шиллером ассистент.

– Мадам, счастье оказаться рядом с вами заставляет меня терять голову.

– Держите ее, молодой человек. Вы очаровательны.

– Моя мать, говоря о вас, часто...

Это было ужасной ошибкой: он намекнул на принадлежность к другому поколению.

– Я этому рада, – сказала она. – Но куда же подевался Рудольф?

– Сейчас подойдет, мадам. Моя мать также говорит...

Чтобы она сдохла, эта мать, со своими воспоминаниями, которые так старили ее!

– Она рассказывала мне о фильме «*Лунная соната*»...

Гнев нарастал. Фильм *«Лунная соната»* был снят двадцать лет тому назад. Она добилась, чтобы этот фильм был вычеркнут из репертуара музея киноистории.

Растерявшись без Элизабет, Шиллер позвал на помощь другого своего ассистента по имени Дон.

– Ходи от группы к группе, спрашивай, не нужно ли чего-нибудь еще. Элизабет Кларк уехала по семейным делам. Извинись за нее. И не оставляй Сольвейг надолго с этим идиотом... Слушай, не ты ли пригласил сюда эту блондинку?

– Она очень фотогенична, – сказал Дон. – Восхитительный профиль, густые волосы, тонкий нос, длинные ресницы... Я подумал, что она будет вам интересна в роли наркоманки в *«Потерпевших кораблекрушение»*. Простите за то, что перебиваю вас, но есть звонок по вашему сотовому телефону. Возьмите, там указан вызывающий вас абонент.

Шиллер воскликнул:

– Это из дома!

Он перезвонил домой. Ему ответил телохранитель Тимоти.

– Господин Шиллер?

– Да. В чем дело? Что случилось?

– Тимоти сегодня ночью плакал, сэр.

– Мой сын плакал?

– Да. Горничная сказала ему глупость.

– Что?

– Она ему сказала: «Уж лучше иметь мать в маленькой

комнате, чем кучу игрушек в зале для игр. Тебе не хватает матери. Она бы приехала к тебе, но ей это запрещено...»

– Эту гадину надо вышвырнуть вон.

– Нет. Она сказала это не по злобе. Она говорит...

– Что еще? – побледнев, спросил Шиллер.

– Тимоти заплакал и убежал в свою комнату Шиллеру надо было переварить эти новости. Печаль ребенка очень его огорчила, равно как и внезапный уход Элизабет Кларк. Семейные проблемы? У Гаррисона снова случился сердечный приступ? Что же на самом деле вынудило ее скрыться с ею же организованного приема? Он вернулся к Сольвейг и протянул к ней руки.

– Пойдем, дорогая. Твои почитатели ждут тебя.

Она была огорчена, но быстро утешилась.

– Я про вас не забуду, – сказала она молодому человеку, который составил ей компанию.

Тот даже задрожал от счастья.

– Могу ли я попросить у вас автограф?

– Потом, – сказал Шиллер. – Позже.

* * *

Из телефонной кабины первого этажа Элизабет позвонила в номер 311. Вызов прозвучал дюжину раз. К линии подключилась телефонистка отеля.

– Вы звоните в номер 311?

– Да. Мне очень нужно.

– Наша клиентка, вероятно, вышла.

– А может, трубка плохо лежит?

– Нет, – сказала телефонистка. – В таком случае вы бы слышали сигнал «занято». Могу ли я чем-нибудь вам помочь, мадам?

– Там живет моя знакомая из Парижа. У нее был длительный перелет. Наверное, она заснула. Я хотела бы подняться к ней.

– Как вам будет угодно.

Элизабет почувствовала опасность. Какую именно? Этого она не знала. Поднявшись на лифте на четвертый этаж, она устремилась к номеру 311. Из-под двери не пробивалось ни единого луча света, сигнал «Просьба не беспокоить» не был включен. В конце коридора появился носильщик с наполненной багажом тележкой. Когда он приблизился, Элизабет обратилась к нему:

– Будьте добры, я забыла ключ в кармане куртки внизу, в холле. Не могли бы вы мне отрыть дверь?

Он замялся, покраснел от смущения.

– Не имею права, мадам. Рядом с лифтом есть телефон. Попросите на респшн прислать вам кого-нибудь с дубликатом ключа.

– Прошу вас, помогите. Я жду очень важного звонка. Я уже слышала отсюда, как звонят. Меня зовут Элизабет Гаррисон. Не бросайте меня в беде.

Служащий отеля в испуге открыл дверь. Очутившись в вестибюле, Элизабет взглянула в зеркало над косяком двери, увидела себя и часть комнаты при слабом свете ламп. Из глубины комнаты доносилась нежная музыка.

– Есть тут кто-нибудь? – спросила она сначала тихо, а потом в полный голос. – Пожалуйста. Кто тут?

Она смущенно ждала ответа. Она не должна была здесь находиться. Сейчас она выйдет, закроет дверь и вернется к гостям. Элен Алле тут нет. Она могла быть в кафе. Если она сейчас вернется в номер, Элизабет извинится. «Мне показалось, что мы знакомы, – скажет она. – Я звонила вам. Бог знает, какое глупое чувство привело меня сюда. Меня обеспокоило появление фотографа. И мне сказали, что это вы его сюда пригласили...»

Против своей воли она вошла в комнату. Парчовые шторы были опущены. Слева на заправленной кровати лежала молодая женщина в шелковой ночной рубашке песочного цвета. Она с трудом дышала. Глаза ее были закрыты, а перламутровые веки были почти прозрачными. На подбородке тонкой пленкой застыла слюна.

Как и всегда в моменты борьбы между жизнью и смертью, Элизабет становилась деятельной и делала все очень быстро. Она увидела приколотые к ковру фотографии, а также те, что упали на кровать. Они могли морально уничтожить режиссера. Процесс об опеке над ребенком снова мог выйти на первый план. Опытным взглядом она оценила размах скан-

дала, который обрушился бы на Шиллера. Если Элен Алле умрет, женские организации осудят его, а продюсер Воров, зная о том, что будущий фильм будет бойкотироваться, умоет руки и отойдет от дел. У Джимми не будет роль. Ему останется только кокаин.

Ей понадобилось менее минуты, чтобы снять и поднять фотографии и засунуть их в сложенную вдвое газету. Наклонившись над Элен, она сняла телефонную трубку. Говорила она сухо и быстро.

– Коммутатор?

– Да.

– Клиентке в номере 311 требует срочная медицинская помощь. Пригласите сюда дежурного врача и вызовите «скорую помощь».

– Коммутатор не имеет права вмешиваться при несчастных случаях. Вы должны обратиться к ночному менеджеру на респшн. Соединяю...

Несколько секунд ожидания, и Элизабет смогла объяснить ситуацию этому любезному и сообразительному человеку. Тот сразу же оценил опасность, которая грозила клиентке и отелю. Он вызвал врача. Машина «скорой помощи» должна будет ждать позади отеля. Команда спасателей поднимется по пожарной лестнице.

Продолжая говорить, Элизабет держала на руках потерявшую сознание женщину. Потом комната наполнилась людьми, дежурная по этажу примчалась с мокрым полотен-

цем и хотела положить его на лоб Элен. Элизабет жестом отстранила ее.

– Не надо. Где же врач?

В комнате появился только что прибывший высокий бледный человек. Он поднял веки Элен, тут же позвонил в больницу и предупредил о прибытии больной. Осмотрев флакон, он покачал головой.

– Может быть, надо вызвать у нее рвоту? – спросила Элизабет.

– Нет. Промывание желудка, кислород, интенсивная терапия... Вот и все, что мы можем.

В номере появились спасатели, они положили тело на носилки и скрылись.

– Вы ее родственница? – спросил врач у Элизабет.

– Подруга.

– Вам надо поехать с ней и захватить ее документы.

Элизабет взяла сумочку Элен и проследовала за спасателями.

4

Элизабет увидела, как спасатели чуть ли не бегом вышли из отеля. Она вернулась назад, чтобы принять кое-какие меры предосторожности. Подойдя к ресепшн, заговорила с менеджером.

– Мисс Гаррисон, какая трагедия, как это печально! Жизнь, смерть...

Элизабет оборвала его:

– Сообщаю вам, – сказала она, – что я снимаю у вас еще один номер: 311. Приплюсуйте его к тем трем, которые я забронировала для моих гостей из Нью-Йорка. Счет мисс Алле оплачиваю я.

– Но мы уже зарегистрировали ее кредитную карточку...

– Не снимайте с нее денег. Все счета предоставьте мне. Будем считать, что по приезде она стала моей гостьей. Прошу вас закрыть номер 311. Речь идет о попытке самоубийства моей подруги. Я хочу представить этот отчаянный поступок как недомогание. Если мисс Алле умрет, представим это как несчастный случай, произошедший в результате передозировки снотворного. Отель не может нести ответственность за перемены настроения усталой клиентки. У нее проблемы психологического порядка. Вот и все.

– Постараюсь, – неуверенно произнес менеджер. – Но я должен посоветоваться с нашим управляющим.

– Зачем? Если мисс Алле после выздоровления вновь вернется к вам, каким образом это «посещение» больницы должно будет интересовать ваше начальство? В компьютере в строке заказов изменится только одна запись.

Дата прибытия остается прежней, вы лишь добавите. «приглашена на прием миссис Кларк-Гарризон».

* * *

Потом она взяла такси и отправилась в больницу. Там сказала, что она – близкая подруга Элен Алле, которую только что доставили спасатели. Элизабет дала номер одной из своих кредиток и попросила разрешения увидеться со своей «протеже». «Она сейчас находится в палате интенсивной терапии. Приезжайте позже, вам позвонят».

– Вы ее родственница? – спросил проходивший мимо врач «скорой помощи».

– Подруга.

Мужчина высморкался в бумажную салфетку.

– Она не хотела, чтобы самоубийство сорвалось.

– Она выкарабкается? – спросила Элизабет.

Врач пожал плечами.

– Уже выкарабкалась. Она жива. Но так ли ей повезло? Она ведь по-настоящему решила покончить с жизнью...

– А где ее вещи? Ее сумочка, которую я отдала одному из спасателей?

– Сейчас узнаю.

Не теряя времени, Элизабет попросила, чтобы мисс Алле поместили в отдельную палату и приставили персональную санитарку. Ей принесли сумочку Элен. Узнав, благодаря гарантии, которую выдал счет на ее кредитке, номер будущей палаты, она села на ближайшую скамью. Достав из сумочки мобильный телефон француженки, она принялась искать номер телефона Ронни. Надо было помешать ему распространить хотя бы одну фотографию.

* * *

Спустя час Элен была помещена в отдельную палату. Она еще не пришла в сознание, ее лицо под кислородной маской было таким же бледным, как наволочка подушки. На стоящем рядом экране монитора отображался ритм работы ее сердца. Сидящая рядом с кроватью Элизабет наконец отыскала нужный ей номер. Она тут же позвонила по нему и услышала ответ: «Это Ронни. Оставьте ваше сообщение». Элизабет надиктовала: «Срочно перезвоните мне. Не передавайте никому ни единого документа. Меня зовут Элизабет Гаррисон».

В салоне Сольвейг, окруженная людьми, которых она называла своей публикой, изводила Шиллера вопросами:

– Где ты был? Я осталась наедине с совершенно невежественным мальчиком.

– На коленях умоляю простить меня, Сольвейг. Мне надо было решить личные проблемы: мне позвонил телохранитель и сообщил, что ребенок плакал. Так, пустяки, но они являются частью моей жизни... Пойдем, драгоценная моя, – сказал он актрисе, которая снова начала посылать воздушные поцелуи оставшимся гостям.

Режиссер задумался. Что ей было нужно? Остаться одной. Ночь с Сольвейг «по полной программе» была бы похожа на странный сеанс йоги. Чтобы не помять лицо, не допустить на нем ни единой морщинки, она оставалась неподвижной. Он ложился на нее, словно огромное насекомое, осторожно выполняющее возвратно-поступательные движения. Она любила только тихие любовные игры. Засыпая, она следовала заведенному ритуалу: в комнате она должна оставаться одна на приготовленной кровати, голова должна лежать на ровной поверхности. «Временами, чтобы наказать себя, – говорила она, – я кладу под голову плотный шелковый валик».

Когда Сольвейг впервые услышала о Тимоти, сыне Шиллера, она уклончиво прокомментировала: «Конечно же ты

его любишь... Если я тебя правильно поняла, мать его уехала в Европу и оставила ребенка с тобой». – «Оставила? – ответил Шиллер. – Не оставила. Я забрал у нее этого ребенка!» Сольвейг никогда не хотела иметь детей, чтобы не испортить себе талию. Как отвратительно смотрится раздутый живот! Даже мысль о такой деформации вызывала у нее отвращение, и, чтобы успокоиться, она начинала гладить ладонями свое плоское и шелковистое тело.

5

После того как его вышвырнули из отеля, Ронни вел машину осторожно. «Главное, чтобы не задержала полиция», – сказал он себе. Не надо делать резких маневров, чтобы въехать на узкую улицу Западный Бродвей, где он снимал квартиру в доме посредственного качества. Охранников там не было. Несколько лет тому назад там был один охранник, проживавший в двухкомнатной квартире на первом этаже. При входе в нос ударял запах алкоголя и мочи. Этот безразличный к жизни человек потом съехал и поселился на этой же улице. Там он соорудил себе жилье из картонных коробок – он знал, что рано или поздно его выселят. Хозяин этих спальных камер установил на двери кодовый замок, но мелкие вандалы сняли его спустя пару дней. Поэтому входная дверь оставалась открытой, но это было неважно, поскольку воровать в доме было особенно нечего.

Ронни поставил машину на свободное место на стоянке, вошел в тесный холл и поднялся на четвертый этаж.

Дверь была в плохом состоянии, но замок еще держался и запирался на два оборота ключа. Наконец, повозившись с дверью, он смог перешагнуть порог. Пройдя через центральную комнату, он бросил вещи на потертую канapé и устремился к шкафу, где взял бутылку, чтобы налить себе полстакана виски.

Упав на одно из кресел, обитых кожзаменителем, он стал наслаждаться виски и взвешивать опасность, которым подвергала его инсценировка самоубийства Элен. Он проклинал себя за то, что оказал ей эту «услугу». Он уже несколько раз звонил ей, но так и не смог дозвониться. Не подвергнется ли он большой опасности, предлагая бульварной газете опубликовать предсмертные фотографии? «Разлученная с ребенком мать кончает жизнь самоубийством»? А он-то здесь при чем? Чтобы устроить скандал, Элен также попросила его передать видеозапись каналу «Хайпер Ньюс», привыкшему копаться в помойке. На сотовом телефоне он увидел незнакомый ему номер. «Позже перезвоню», – решил он. Вначале ему хотелось поговорить с Элен.

Две тысячи долларов за ее фотографии были манной небесной, но дело было щекотливым и рискованным. Оно касалось ребенка Шиллера. Кто обвиняемая? – мать-француженка, уличенная в супружеской измене и подозреваемая в организации попытки похищения ребенка. Кто адвокат? Это было совсем неважно. У Ронни был на примете один юрист, ради рекламы он взялся бы за дело бесплатно.

Он посмотрел на пластиковый мешок с видеокамерой, но не стал его трогать. Затем с любовью взял в руки свою «лейку». Надо ли было проявить фотографии Элен? «Да, – подумал он. – Это мне сделать придется, пусть даже я никуда их не пущу». Его сотовый телефон завибрировал. Он взял его в руку. Сообщение. «Позвоните мне. Дело очень сроч-

ное. Элизабет». Элизабет Гаррисон? Он сохранил неприятные воспоминания об этой женщине, которая пригрозила, что добьется лишения его *грин-карты* в случае опубликования снимка ее отца в инвалидной коляске. Что теперь ей было нужно после этого сказочного приема? Скушать на десерт ничтожного фотографа?

Он бросился в свою «темную комнату», нечто вроде маленького чуланчика, и начал проявлять фотографии Элен. Из некогда «неумелого дебютанта» он превратился со временем в прекрасного фотографа. Он подумал о страстном увлечении своей юности, о фильме Антониони «*Вдохновение*». Вот и сейчас он испытывал это вдохновение. Он словно взорвался. Миссис Гаррисон он опасался больше, чем полиции. Эта женщина околдовывала его. По сравнению с ней Элен была всего лишь жертвенным ягненком. Может, ему лучше скрыться, спрятаться у своей подруги в Санта-Монике? Оставить квартиру Элен и уехать к девице, которая владела лавкой поношенной одежды в маленьком домике в бедном районе Венеция? Из магазина наверх вела спиральная лестница. Там были две комнаты. При случае она устраивала там встречи или селила кого-нибудь. Снова оказаться в берлоге и не иметь возможности достать несколько доз? Ломка? «Это ерунда, – сказал он себе, – Я смогу остановиться, как только захочу...» Он решил, что, прежде чем забыться, все-таки лучше будет позвонить Элизабет Гаррисон. Набрав ее номер, он прокашлялся, чтобы прочистить горло. Несколько

звонков, потом послышалось «Алло?». Он представился:

– Это Ронни Рок, фотограф.

– Ну наконец-то! Дайте мне свой адрес, и я приеду.

– Для чего?

– За фотографиями. Репортаж о смерти Элен.

Он решил говорить тоном мужчины, которого трудно было испугать:

– Вот как? – сказал он. – А почему это интересует вас? У вас есть деньги, а у меня свобода.

– Все относительно, – произнесла в трубку Элизабет. – Свобода – это понятие, которое поддается анализу...

Ронни возмутился:

– Ваша интеллектуальная белиберда на меня не действует. Вы запретили мне публиковать снимки вашего отца, я подчинился. Но не надо лезть в дела Элен Алле.

– Тише, Ронни. Ваша подружка совершенно случайно сегодня вечером осталась в живых. Сейчас она находится в больнице «Кипарисы». Лежит там без сознания и на искусственном дыхании.

– Быть того не может!

– Так и есть. Позвоните и узнайте!

– Я тут совершенно ни при чем, – возразил он. – Она сказала мне, что это – всего лишь инсценировка.

– Остается только убедить в этом присяжных. Но сделать это будет очень нелегко. После определенного предела в глупость уже не верят... Быстро говорите свой адрес, я еду.

Охваченный страхом, он назвал ей улицу и номер дома.

– Какой этаж?

– Четвертый. Дверь напротив лестницы.

– Пока я не приеду, не отвечайте ни на какие телефонные звонки, – приказала Элизабет. – В отеле Элен Алле считают моей гостьей, а вы, ни фотограф, ни неудавшийся актер, просто друг, соотечественник, приходили навестить ее. Все остальное вы узнаете от меня лично. Еду.

* * *

Ронни выпил крепкого кофе. Надо было прийти в себя. Он пошел принять душ. Там он решил для себя, что будет вести себя мужественно, казаться уверенным в себе. Его прошлое не было славным. Неудача следовала за неудачей. Двадцатилетний француз, приехав в США, после относительной учебы и долгого ожидания получил *грин-карту*, которая давала ему право официально работать в стране и приходиться на кастинги. Хронические неудачники, как он, – те, что рассказывали о себе всякие небылицы за кружкой пива, – иногда устраивались, когда были нужны, водителями на промышленные предприятия. Они также зарабатывали небольшие деньги в качестве посыльных шикарных бутиков на Родео-Драйв, но при этом никогда не видели шикарное внутреннее убранство богатых домов на Беверли-Хиллз. Ронни тоже некоторое время работал посыльным, и ему тоже ни

разу не удалось переступить с дорогостоящими покупками в руках через порог жилищ, где обитали знаменитости. Как все молодые и не очень молодые актеры-любители, он старался воспользоваться малейшей возможностью для того, чтобы его заметили. Номером первым среди фантастических планов была «Встреча». Что коробку с обшитым стразами платьем у него заберет не горничная-мексиканка, а сама хозяйка дома. Чисто случайно. Что вы хотите, судьба. Да, она осмелится дойти до входной двери. В домашнем халатике пастельного цвета, она откроет дверь, увидит посыльного, посмотрит на него пристально и решит, что «парень довольно красив, во всяком случае, интересен». И тогда она проворкует: «Хелло! Вы принесли мне платье? Подождите. Позвольте мне вас разглядеть? Входите же...» Она изучит его профиль, прикоснется к волосам, вдохнет запах мужчины с планеты бедняков. «Мне кажется, – скажет она, – что вы именно тот тип мужчины, который нам нужен. Вы ведь итальянец?» – «Француз». Последует восклицание: «Я должна немедленно позвонить Крамеру! Скажу ему, что нашла нашего *любовника латинского типа*... Проходите в салон. Я сейчас созову всех...» Нет, этому чуду не суждено было сбыться никогда. Он вручал свертки и, краснея от стыда, получал чаевые.

Чем только Ронни не занимался. Он несколько недель жил с отвергнутой звездой, которую вывели из героинь вышедшей из моды мыльной оперы. Будучи не в состоянии переносить эту некогда красивую, но постаревшую женщину, ко-

торая ложилась в постель с толстым слоем пудры на лице и с сильно накрашенными тушью ресницами, он был изгнан из-за отсутствия страстности в любовных играх. Он также работал в кафе «*Старбакс*», но и там его так называемый облик *любовника латинского типа* не произвел ни на кого впечатления. Слишком большая была конкуренция, на завоевание Голливуда ринулись толпы южноамериканцев.

Он направил воду на лицо. К нему должна была приехать одна из самых недоступных женщин: значит, он еще представлял для нее интерес. Но какого рода?

* * *

Черный лимузин Элизабет остановился перед указанным домом. За рулем сидел Ванг, бывший уже несколько десятилетий доверенным лицом Гаррисона, который на несколько недель прикомандировал его к Элизабет. Законная наследница миллиардера и его подручный не ладили друг с другом. Они мало говорили, и по молчаливому согласию их неприятные общие воспоминания были преданы забвению. Пока царствовала Элизабет, но достаточно было смерти хозяина, и в игру могла вступить ее сводная сестра Чайна. Двадцать лет тому назад сестру Ванга приняли на должность гувернантки в шикарный дом Гаррисона в Лэттингтауне. В ходе частых посещений этой шикарной части Лонг-Айленда толстяк Вильям не смог воспротивиться физическому влечению

к красивой китайке. Она же, думая о будущем, не предложила ему воспользоваться презервативом. В результате этой любовной связи на свет появилась девочка. Гаррисон официально признал ее, чтобы досадить Элизабет. Чайна росла как принцесса. Она блестяще закончила ближайший к дому колледж, а потом в доме стали появляться частные преподаватели, чтобы обеспечить ей высшее образование. Она была очень честолюбива и ждала того дня, когда она сможет взять власть в свои руки. «Все люди смертны, даже Элизабет», – решили мать с дочкой.

* * *

Элизабет подошла к подъезду дома, поднялась на четвертый этаж и толкнула полуоткрытую дверь.

– Ни замка? Ни цепочки? – спросила она появившегося в прихожей Ронни.

Фотограф поздоровался и объяснил, что у него красть было совсем нечего. За спиной Элизабет стоял Ванг.

– Это мой телохранитель, – представила она его.

Китаец осмотрел квартиру, не оставив без внимания ни один уголок. Потом он вопросительно посмотрел на Элизабет, та едва заметно кивнула. Тогда он подошел к Ронни и ощупал фотографа.

– Эй, гомик, прекрати! – воскликнул тот.

– У вас может быть оружие, – произнесла Элизабет.

– Никогда у меня не было никакого оружия, – раздраженно сказал Ронни. – Баста, коко!

Он оттолкнул от себя Ванга и посмотрел на эту стройную элегантную женщину в черном, на груди которой на тонкой цепочке сверкал бриллиант. Ронни не мог оторвать от него взгляда. Этот бриллиант дал бы ему возможность начать новую жизнь. Открыть контору по прокату машин в Мексике. Или купить скромный отель на берегу моря неподалеку от Энсенады.

– Садитесь, если желаете, – неуверенно произнес он. – Налить вам выпить?..

Тут он задумался: найдется ли у него чистый стакан?

– Обойдемся без светских любезностей, – сказала Элизабет. – Мне нужны видеокассета и фото пленка.

Ее тон удивил Ронни.

– Ведите себя повежливее. Я не ваш лакей. Это все принадлежит мне.

– Если не хотите несколько ближайших ночей провести во временной изоляции, отдайте мне кассету и пленку.

Ронни возмутился.

– Эй, в этой стране не принято угрожать людям! Я обещал отнести снимки моей подруги Элен в редакцию какой-нибудь утренней газеты и, возможно, также в «*Старлайт*».

Этот тип явно тянул время. Элизабет подумала, что с ним придется потерять некоторое время.

– Ронни, – произнесла она почти мирным тоном, – чтобы

заниматься шантажом, надо быть умным человеком.

Ронни охватил прилив злости. Он на самом деле сильно разозлился.

– Когда фотографии будут опубликованы, Шиллеру придется уступить. Элен не требует подарить ей Перу. Ей только и нужно, во-первых, право посещения сына, во-вторых, равное право на опеку.

– Элен – ваша любовница? – спросила Элизабет.

– Нет.

– Но я именно это и слышала.

– Вздор.

– Тогда почему вы проявляете такую глупую преданность?

– Мы друзья.

– И что с того?

– Я хотел ей помочь. Шиллер практически похитил ее сына.

Слушая его, Элизабет внешне была бесстрашна.

– И тогда в игру вступили вы, защитник вдов и сирот. Вы хотели надавить на Шиллера?

– Только для того, чтобы он уступил. Но Элен обманула меня...

– Сколько лет вы уже живете в Лос-Анджелесе?

– Скоро будет пятнадцать.

– Пятнадцать лет! – повторила она. – И вы до сих пор так и не поняли, как живет этот город? Здесь, когда к вам приходит успех, вы получаете власть. Если вам ничего в жизни

не удалось, вы – ничто. Если ваша подруга Элен умрет, вы рискуете быть обвиненным в убийстве по неосторожности. Насколько я знаю, понятия убийства по глупости не существует. Подумайте: кому вы хотите внушить, что она не хотела умереть по-настоящему?

– Но ведь это все лишено логики. Когда мальчику исполнится восемнадцать лет, он будет волен идти, куда ему вздумается. Надо только немного подождать... Элен очень чувствительная, она хорошая девушка. Но, став матерью, она стала очень уязвимой. Она страдает. Она дала мне письмо, которое служит мне оправданием... – сказал Ронни.

А потом воскликнул:

– От вашего питбультерьера у меня голова кружится!

Несколько слов, и Ванг сел на стул рядом с входной дверью. Ронни продолжил пояснять:

– Я и представить себе не мог, что она пойдет на подобную глупость. Да, понятно, она очень переживала за ребенка, но чтобы покончить из-за этого с собой? Я действительно думал, что все это – инсценировка. Здесь, в Голливуде, все, что мы делаем, все, чем мы живем, по-настоящему или по притворству, смешивается с кино.

Элизабет присела на краешек кресла.

– А ее поведение подозрительным вам не показалось? Даже в последний момент?

– Она же сценаристка. Была в команде сценаристов, где ее и заметил Шиллер... Она обставила эту сцену в отеле, а

таблетки должны были быть витаминами...

Элизабет прервала его объяснения:

– У вас не найдется немного минеральной воды?

– Есть, в холодильнике. Сейчас посмотрю...

– Не надо, – сказала она.

Ванг встал, но Элизабет пошла за водой сама: это давало ей время на размышления. Казалось, что фотограф говорил искренне. Обнаружив бутылку с водой, она заглянула в маленький встроенный в мебель бар и нашла там чистый стакан. Налила воды и выпила.

– Хотите воды? – спросила она у Ронни.

– Я? Нет... Лучше скажите вашему сторожевому псу, чтобы он не смотрел на меня таким взглядом.

Элизабет шепотом отдала приказ, и Ванг вышел из комнаты.

– Теперь мы одни, – заговорила она. – Рассказывайте! Все, что вы знаете об Элен. Почему и как она приехала в Калифорнию?

– Благодаря своей тетке, вдове довольно богатого американца, Элен смогла получить стипендию в Университете Беркли. Она получила разрешение приехать сюда с ребенком, поскольку ее тетя Элла, американская гражданка, выступила поручителем.

– А при чем тут Шиллер? – спросила Элизабет доверительным тоном. – Разве он – отец ребенка?

– Отнюдь. Только приемный отец. Он распространил лож-

ную информацию о своем пребывании в Париже, где и переспал с Элен. Потом, чтобы отделаться от нее, он прибегнул к самой гнусной клевете.

– Мне нужны фотографии, видеопленка, все, – сказала Элизабет. – Я от вас не отстану.

– Кого вы хотите защитить или на кого напасть? – спросил Ронни.

– Доказать, что поведение Шиллера стало причиной самоубийства Элен Алле, будет очень легко. Он будет обвинен в моральной жестокости, и часть общества восстанет против него. Это меня никоим образом не устраивает. И даже нарушает мои планы. Как вы познакомились с Элен?

– Мы с ней учились в одном лицее. И все время только и говорили о нашем американском будущем. Потом мы потеряли друг друга из вида. А спустя несколько лет снова встретились, но уже в Лос-Анджелесе на кастинге. Это был праздник! Как многое мы должны были рассказать друг другу! Несколько лет назад я мог бы еще сойти за симпатичного француза, любовника латинского типа. Мне надо было бы только слегка сбросить вес. Сами понимаете, каково здешнее питание, даже если есть в приличных забегаловках, становишься толстым и уже не бегаешь...

Он рассмеялся. Элизабет продолжала сидеть с суровым выражением лица.

– Вы не находите мою шутку забавной?

– Нет. Продолжайте.

– Шиллер поручил Элен принять участие в этом кастинге. Она не могла пойти на подлог и взять меня: ее за это тогда уволили бы. Я не был достаточно юным, чтобы играть парижского жиголо. Шиллеру нужен был герой типа молодого Траволты времен фильма *«Вдохновение»*

Брайана де Пальма. «Мне нужен молодой зверь, который движется, как бог», – проинструктировал он Элен. Это точно был не я. Я расстроился, но мы остались друзьями...

Элизабет прервала его:

– Все это мне ничего не дает. Мне нужно позвонить в больницу...

Ронни сосредоточился на своем стакане с виски. Элизабет дозвонилась до дежурного врача, занимающегося Элен.

– Моя фамилия Гаррисон. Я подруга молодой женщины, которую доставили к вам из отеля *«Хиллз»*. Это я попросила поместить ее к вам. И дала свою кредитную карточку.

Ей не хотелось выпячивать свою щедрость, просто надо было объяснить, почему она имела право на получение нужной информации.

– Она находится в отдельной палате...

– Это я попросила положить ее туда, – сказала Элизабет.

– С ней все будет в порядке. Было бы желательно, чтобы вы нашли время заглянуть к нам, чтобы выполнить некоторые формальности. Вы взяли на себя расходы... миссис Элизабет Кларк-Гаррисон, не так ли?

– Да. Мой адрес: Беверли-Драйв, дом 1611.

– Отлично, – сказал врач. – Ждем. Лично я буду на месте до пяти утра.

– Я буду у вас через час.

– Вы очень дорожите этой особой...

– Так и есть.

Ронни вытер носовым платком выступивший от страха пот. И попытался оправдаться:

– Если бы я знал, что она все делала по-настоящему, я бы забрал у нее таблетки. Вы правы, я был глуп... Но ведь после того кастинга мы стали хорошими друзьями.

Она была как сестра: «Я тебе помогу. Ты будешь хорош в другой роли».

– Как же Элен смогла попасть в ближайшее окружение Шиллера?

– У ее тетки был бутик старых украшений. Благодаря своей звездной клиентуре и подаркам, сделанным той или другой актрисе, ей удалось ввести Элен в круг Шиллера. Она писала сцены, которые ей заказывали. Ей надо было импровизировать с анекдотами, с поворотами событий в зависимости от главной линии фильма. То, что она предлагала, принималось или отвергалось. Во время съемок очередной сцены третьей части заезженного до нельзя телесериала в комнате сценаристов появился взбешенный Шиллер: «Я же сказал, что персонаж старого Марко должен исчезнуть. Выкиньте его из моего фильма!» Этот герой Марко участвовал в сериале с самого начала, он мешал действию, но никто не знал,

как от него отделаться. Надо было ввести в предыдущие, уже отснятые серии какие-нибудь его болезни, сердечный приступ, но это обошлось бы довольно дорого. И тут Элен сказала, что у нее есть решение проблемы. «Слушаю вас», – ответил Шиллер. Элен не захотела ничего говорить. Ей в голову пришла гениальная идея: одновременно с выводом из сериала ставшего помехой персонажа она решила ввести нового героя и с его помощью сделать новый поворот фильма. «Если хотите, я напишу сцену и представлю вам ее завтра». – «Я не могу ждать, – сказал Шиллер. – Вы – член команды, имеете право высказать свою мысль». – «Дайте мне немного времени», – сказала она. От нее исходило то, что американцы называют «врожденным нахальством французов». Она бросила ему вызов. «Могу написать вам сцену за час, чтобы вы ее прочитали». – «Попробуйте, – сказал Шиллер. – Но не забудьте, что в нашем фильме нет места сексу. Мы снимаем для широкой публики. Садитесь в соседней комнате...» Элен смогла спасти третью часть сериала. С того самого дня Шиллер обратил на нее внимание. Однажды вечером он пригласил ее на ужин. Я предупредил Элен: «Не верь тому что он тебе рассказывает». Но она меня не послушала. Она упивалась его словами. Рассказала ему всю свою жизнь. Узнав, что у нее был ребенок, Шиллер решил не упускать свой шанс.

– Какой шанс? – спросила Элизабет.

– Со временем, проявив терпение и прибегнув к различным уловкам, женившись на Элен и прожив с ней два го-

да, как того требуют законы этого штата, он смог бы завести «своего» ребенка путем усыновления и тем самым заставить окончательно забыть существование некоего биологического отца.

«Я слишком много рассказал об Элен», – подумал Ронни. Он встал. Ему надо было найти любой предлог, чтобы вырваться из когтей Элизабет.

– Я ухожу, – сказал он, стараясь походить на независимого человека, на героя, который никогда не сдастся. – Мне надо выполнить данное Элен обещание...

– Сначала отдайте видеокассету, – сказала Элизабет.

– Ничего я вам не отдам, – произнес Ронни. – Сейчас пойду в редакцию газеты. И расскажу все главному редактору, пусть решение принимает он. Он лучше меня знает, какими последствиями может грозить данная операция.

Элизабет он был ненавистен.

– Возможно, по дороге вы передумаете, – сказала она. – Вам будет полезно подышать свежим воздухом. Мы поедем туда вместе.

Ронни закрылся в ванной, чтобы сменить пропитанную потом рубашку. Элизабет приоткрыла входную дверь и приказала ожидавшему в коридоре Вангу:

– Его машина не должна стронуться с места. Быстро!

Ронни вышел из ванной. Элизабет сменила тон:

– Полагаю, что вам будет интересно узнать о состоянии вашей подружки... Поедем со мной в больницу.

Ронни отрицательно замотал головой.

– Я не посмею встретиться с ней: я все испортил.

Она проследила взглядом, как Ронни взял из ящика стола видеокассету и сунул ее во внутренний карман пиджака. Тут внимание Элизабет привлекла темная комната, дверь которой была приоткрыта.

– Вы позволите?

– Что?

– Посмотреть, что там.

– А разве ваш питбультерьер вам не доложил?

Она вошла. Почувствовала недостаток кислорода. В кюветах она увидела фотографии. Элен на кровати. Крупным планом ее пустой взгляд. Лицо с закрытыми глазами. Это был первоклассный материал для шантажа.

– Я предлагаю вам за это больше, чем даст газета, – сказала она.

Он пробормотал:

– Если хотите подкупить меня, назовите цифру... Это так, шутка. Я хочу выполнить данное мной обещание.

– Ладно, попытайтесь договориться с газетой. Если они это возьмут, я буду очень удивлена. Но если они предложат вам какую-нибудь сумму, сообщите ее мне: я дам в два раза больше.

Она вышла из квартиры вместе с Ронни. Они спустились вниз и вышли из здания. Ронни направился к стоянке. Ванг уже сидел за рулем лимузина.

– Не стану вас вынуждать, – сказала Элизабет. – Если не желаете навестить вашу подружку...

– Сначала мне надо зайти на студию «*Старлайт*», – повторил он. – Потом – в утреннюю газету. Вы говорите, что Элен жива, следовательно, мне ничто не угрожает. Я снимал последние моменты ее жизни. Этого не случилось, но никто меня не вынуждает говорить, что она выжила...

– Поступайте так, как вам подскажет ваша совесть, – сказала на прощание Элизабет.

И направилась к своей машине. Ронни оценил ее походку, ее длинные ноги, ее великолепное тело в этом черном костюме.

Лимузин медленно тронулся с места и поехал к выезду со стоянки. Ронни бросился к своей машине, сел за руль и повернул ключ зажигания. Двигатель не издал ни звука. Еще пять или шесть попыток. Без результата. «Эта чертова таратайка отдала богу душу», – сказал он себе. Достав сотовый телефон, он попытался вызвать такси. Этот квартал не отличался хорошей репутацией, да и время было неподходящее. Ответом ему была только музыка. Подняв глаза, он увидел, что лимузин Элизабет еще не успел уехать. Ронни выскочил из своей машины и подбежал к лимузину. Заднее затемненное стекло опустилось. Элизабет спросила:

– У вас проблемы? Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

– Подбросьте меня на стоянку такси.

– Садитесь.

Ронни открыл дверцу и впервые в своей жизни – кроме того времени, когда он служил шофером, – сел в удлиненный лимузин. Он устроился на сиденье рядом с Элизабет.

– Вам придется заехать со мной в больницу.

– Нет, – сказал он. – Не могу пропустить встречу с главным редактором. Это было бы предательством по отношению к Элен.

– Ваше дело может подождать еще сутки. Даже если материал будет опубликован послезавтра утром, цель будет достигнута. И не забывайте, что если из-за сердечной недостаточности она вдруг умрет сегодняшней ночью, ваше расследование, репортаж или обзор, называйте это как хотите, будет стоить вдвое дороже. Во всяком случае, я вам помогу. Я ведь вам уже сказала, что готова все это купить.

– Вы очень упорная женщина! – бросил Ронни.

Лимузин ехал очень тихо. Они выбрались на бульвар Сансет и направились к больнице «Кипарисы». Ронни искоса тайком наблюдал за сидевшей рядом женщиной. Мог ли он чем-то привлечь ее? Возбудить в ней чисто физическое любопытство? Стать бы личным фотографом мисс Гаррисон, это была бы такая удача! Может, стоит с ней об этом поговорить? Он не смел даже шевельнуться.

– Вы хотите, чтобы я отказался от дела Элен? – спросил он.

– Вовсе нет. Пока заедем в больницу. А уж потом вы примете решение. Возможно, Элен будет в состоянии говорить.

Ронни откинулся на кожаное сиденье цвета ночи этой черной стальной крепости, чьи тонированные стекла подчеркивали блеск гигантских рекламных щитов, стоявших вдоль бульвара Сансет.

6

Ронни дрожал. Близость Элизабет волновала его. Не попробовать ли к ней прикоснуться? Простой контакт ноги? Смешно. Он одернул себя. От его пиджака несло потом, он боялся, что Элизабет почувствует отвращение. Красивый парень, приехавший из Франции, *любовник латинского типа* часто мылся в те времена, когда мечтал добраться до шелковистых тел великолепных женщин. Он мечтал, как он стал бы целовать пальцы их ног с накрашенными ногтями, просовывать голову между бархатистыми бедрами, целовать их сокровища, похожие на свежеччищенные плоды личи. Как его длинные пальцы бегают по эрогенным зонам; время от времени, словно случайно, он просовывал бы их рядом с языком в узкое влагалище. Он обожал вызывать и прерывать стон, а затем нападать на довольную жертву.

Годы борьбы за существование принесли ему одни лишь разочарования, и поэтому он стал мало-помалу забывать свое сексуальное «мастерство». Он уже не был соблазнительным молодым человеком. Мешки под глазами свидетельствовали о пристрастии к выпивке и о бессонных ночах. Нет, сегодня вечером его инстинкт самосохранения не позволял ему совершать никаких неуместных поступков.

Элизабет догадалась о физическом влечении фотографа, возненавидела его за это еще сильнее и отодвинулась. Потом

позвонила в больницу. Ей сообщили, что Элен только что пришла в сознание.

– Изменение маршрута, – произнесла она в полголоса в микрофон, к которому был подключен Ванг.

И объяснила, как надо было ехать. Машина съехала вниз по бульвару Сансет, а затем рядом с Родео-Драйв въехала на перпендикулярную улицу. Шикарные дома на этой улице были окружены деревьями, цветущим кустарником и решетками, которые часто скрывались под зеленью. Ванг притормозил перед домом в колониальном стиле. Три этажа, терраса вдоль всего жилого этажа.

– Здесь живет Шиллер, – сказала Элизабет. – Скажите честно: ребенок все еще здесь? Элен вам часто об этом рассказывала, не так ли?

Соврать Ронни не посмел. Только не этой женщине.

– Шиллер купил этот дом после развода. Мы приезжали сюда с Элен. Только чтобы взглянуть.

Улица была слабо освещена. Ванг ждал приказаний. Элизабет думала.

– Расскажите мне об их повседневной жизни, – потребовала Элизабет. – Часто ли он видится с ребенком?

Ронни повторил то, что ему рассказала Элен.

– Там есть гувернантка, она же няня, уборщица и кухарка. Гаитянка. Шиллер часто возвращается домой поздно.

Элизабет повернулась к Ронни.

– Мальчиком занимается одна только нянька?

– Есть еще телохранитель. Иногда они с Тимоти играют в мяч позади дома.

– Значит, ребенок всегда выходит в сад под присмотром?

– После решения суда, по которому Элен запрещено приближаться к дому ближе чем на двести метров, Тимоти может качаться на качелях и кататься с горки...

Ронни с удовольствием оказался бы в другом месте, дыхание его стало прерывистым.

– Мне тяжело, – сказал он. – Элен так плакала... Прошу вас, позвольте мне уйти в документами. Я должен сдержать обещание.

– Вы не выйдете из этой машины, прежде чем не отдадите мне видеокассету.

Он замолчал. Она дала распоряжение трогаться. Всю недолгую дорогу до больницы они молчали. Вскоре Ронни увидел главный вход знаменитой больницы «Кипарисы».

– Что я должен делать? Идти с вами? – спросил Ронни. – Вы принимаете меня за собачку на поводке?

– Я не имею права оказывать на вас ни малейшего давления, равно как требовать от вас документы. Вы даже можете уйти. Но если в вас есть капля разума, вы выслушаете меня.

Ронни был сбит с толку такой переменной отношения к себе.

– Вы все бросаете?

– Нет. Элен – нет. А вас – да. Держите меня в курсе дела. Если вы все правильно оценили, вы никому ничего не пере-

дадите.

– Раз уж я здесь, – смущенно пробормотал он, – я хотел бы увидеть Элен...

Элизабет пожала плечами.

– Зачем? Она едва не умерла на ваших глазах, с вашего глупого согласия. Она выжила. С вас этого довольно.

– Вы пойдете к ней в палату?

– Если доктор разрешит, я проведу там остаток ночи.

– Когда она проснется, ее первой мыслью будет ребенок... и публикация в газете.

– Как знать? Прежде всего, она должна решиться жить дальше.

– Значит, – подвел итог Ронни, – все это было напрасно. Не будет ни скандала, ни права видеться с ребенком...

– Полагаю, что ее адвокатом в том процессе был начинающий юрист. Я могу предложить Элен услуги одного из лучших специалистов по бракоразводным процессам. Если у него будут ваши документы, то в ходе процесса он сможет, опираясь на снимки ее отчаянной попытки самоубийства, добиться положительного решения. Не забывайте, что американское правосудие сильно отличается от европейского. Если фотографии будут опубликованы, их будут рассматривать как оружие шантажа, а видеofilm – как угрозу. И совсем другое дело, если их представить как доказательство несправедливости, которая вынудила бывшую миссис Шиллер покончить с собой.

– Итак, – сказал Ронни, – что же я, по-вашему, должен делать?

– Возвращайтесь домой. Высушите ваши драгоценные фотографии, мы пустим их в ход, когда скажет адвокат.

– А могу ли я узнать, почему вы так импровизируете и превращаетесь то в ангела-хранителя, то в посредника, то в спонсора, то в судью?

– Я никогда не импровизирую, – сказала Элизабет. – И на вашем месте я бы не стала так ненавидеть такую женщину, как я.

– Ненавидеть вас? Как можно?!

– Вы хотите стать комедиантом? Вы не умеете врать... Успокойтесь и идите спать. Я вас позвоню.

– Хорошо, – сказал он, – буду следовать вашим...

Будучи не в силах произнести слово «приказам», он сказал «советам».

– Спасибо, – сказала Элизабет. – В обмен вы ничего не потеряете.

Сидя в кресле рядом с кроватью, Элизабет наблюдала за Элен. На рассвете, совершенно обессилов, она на несколько минут заснула. Потом почувствовала, что Элен шевельнулась. Наклонившись к ней, она сказала успокоительно: «Попробуйте оторвать глаза. Я ваш друг...» Лежащие на одеяле руки Элен слегка шевельнулись, возможно, она искала контакта. Элизабет взяла их и слегка сжала. Веки молодой француженки задрожали, и она увидела перед собой расплывчатое лицо мисс Гаррисон. Та поднесла к ее губам стаканчик с водой. «Попробуйте выпить. Медленно».

Пришла сиделка. Она приподняла голову Элен и помогла смочить ей губы. Спустя пятнадцать минут появился врач. Он произвел свои профессиональные манипуляции и тихо сказал Элизабет: «Все будет в порядке. Терпение».

Элизабет взяла врача под руку и вывела его в коридор. Они остановились у окна. Ветви деревьев почти касались оконных стекол. Что это за врач? «Ему лет пятьдесят», – подумала она. Седые, коротко постриженные волосы, очки. На Элизабет все еще был надет черный костюм для приемов и ее подвеска. Она увидела, что врач был растерян.

– Меня зовут Элизабет Гаррисон. Я подруга этой молодой женщины. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, я без предупреждения зашла к ней в номер. Я принимала

участие в приеме, который проходил в том же отеле. Я оказалась в нужный момент в нужном месте.

– Ей повезло, – сказал врач. – Теперь она нуждается как в физической, так и в моральной поддержке. Такие самоубийцы обычно оказываются людьми неблагодарными. При возвращении к жизни она может повести себя по отношению к вам агрессивно. Возможно, даже будет злиться на вас.

– Это неважно. Я хотела бы на несколько дней забрать ее к себе домой. Когда это можно будет сделать?

Врач улыбнулся.

– Вы обеспечиваете послепродажное обслуживание? Простите. В такое время я шучу, чтобы не заснуть. Если я вас правильно понял, она вам даже не родственница. Гуманитарная помощь? Или добрый поступок?

– У меня на это есть свои причины. И средства тоже.

Врач внимательно на нее посмотрел. Разыгрывала ли он из себя добродетельницу, сумевшую вовремя обнаружить самоубийство? Или же сама приложила руку к тому, чтобы довести Элен до отчаяния, а теперь хочет загладить свою вину? «Этого я никогда не узнаю», – подумал он.

– Если вы получите разрешение руководителя службы скорой помощи, вы сможете забрать отсюда эту молодую женщину. Она будет раздражительной. Если бы вы еще на некоторое время опоздали, то с тем, что она проглотила, она быстро отошла бы в мир иной. Вы прибыли очень вовремя.

– Так сложились обстоятельства, – сказала Элизабет.

Она еще раз поблагодарила врача, попросила его похлопотать о разрешении на выписку из больницы. Потом сказала вышедшей из палаты сиделке, что она должна уедет с мисс Алле сразу же, как та сможет и, главное, захочет покинуть больницу.

* * *

Она вернулась в палату, чувствуя себя виновной. Ничего достойного она не совершила: при виде попытки самоубийства, кем бы ни был находившийся в опасности человек, она действовала бы точно так же. Но разве она не поняла, осмотрев комнату, что скандал сможет навредить Шиллеру и даже погубить его? Спасение Элен было инстинктивным поступком, а все остальное она сделала по расчету. Именно по расчету она решила заняться этой историей.

Мысли Элен путались, она обнаружила, что жива, а рядом находится незнакомая женщина, которая заботится о ней. Поэтому она проявила недоверие. Открыв глаза, она произнесла:

– Где Ронни? Мой французский друг...

– Был где-то в коридоре. Теперь куда-то уехал, не знаю, куда именно. Хотите, я распоряжусь, чтобы его разыскали?

Слабость Элен беспокоила ее меньше всего на свете. Она спокойно продолжила:

– Вы вовлекли вашего Ронни в неприятную историю. Если

бы вы умерли, ему пришлось бы провести много лет в тюрьме за убийство по неосторожности или неосмотрительности.

Надо было напомнить Элен об ответственности.

– Я просто попросила друга оказать мне услугу, – прошептала она. – Он думал, что я притворяюсь...

– Приняв настоящие лекарства?

Элен попыталась сесть на кровати, но даже с помощью Элизабет ей удалось лишь слегка согнуть спину. И тогда она напала на незнакомку:

– Почему вы мне помогаете? Это должно стоить очень дорого? Я никогда не смогу вернуть вам деньги...

Она снова попыталась сесть, но опять упала на подушку.

– Сейчас я позову сиделку, чтобы она устроила вас удобнее, – предложила Элизабет.

– Не стоит. Я быстро восстанавливаюсь, – сказала Элен. – Мне в жизни приходилось принимать много ударов. Так что я привычная.

– Я – тоже.

– Вы?

Элен внимательно посмотрела на стоявшую перед ней женщину.

– Я через многое прошла... вопреки своему желанию, – продолжила Элизабет.

– Но только не через брак с Шиллером!

– Это правда, – сказала Элизабет.

Элен снова попросила подать воды, выпила и попробовала

получить информацию.

– Каким образом вы узнали, что я была в отеле «Хгиыз», и кто сообщил вам номер моей комнаты? Ронни продал вам эту информацию? За сколько?

– Мы с вами встретились перед лифтом в отеле. Мне показалось, что мы знакомы, и я постаралась вычислить вас. Потом вспомнила ваши фотографии, опубликованные в ходе бракоразводного процесса.

– Фотографии!

Элен заволновалась.

– ...Ронни отнес фотографии в газету?

– Я отговорила его делать это.

– По какому праву? И как давно вы знакомы с Ронни?

– Потом расскажу эту историю. А вчера вечером случилось так, что я оказалась в этом отеле: я там организовала прием для всего Голливуда.

– Значит, – воскликнула Элен, – вы и есть та богатая женщина, которая хочет дать денег этому подонку Шиллеру! В обмен на роль для вашего сына...

– Вы хорошо осведомлены, – сказала Элизабет.

– Это было нетрудно. В этих кругах все становится известно. Вы своим приемом возвысили его.

– Шиллер действительно ждет от меня крупного денежного вливания. Если вокруг него не будет скандала, я смогу оказывать на него косвенное давление.

– Купить его? – спросила Элен.

– Скажем: сделать его более покладистым.

– А какова во всем этом роль Ронни?

– Я увидела его в одном из салонов отеля. Я боюсь его и его фотографий. И сделала так, чтобы его там не было. Потом провела собственное расследование. По словам консьержа, он приходил навестить свою французскую подругу, которая въехала в отель во второй половине дня. Такое большое количество совпадений показалось мне странным. Мне захотелось узнать больше. Я узнала номер вашей комнаты. Позвонила вам раз десять, вы не отвечали. У меня появилось нехорошее предчувствие. Я поднялась наверх и попросила посыльного помочь мне. Он открыл мне вашу комнату. Вот и все.

В палату вошла медсестра.

– Надо дать нашей больной отдохнуть.

– Я вернусь за вами, – сказала Элизабет. – У нас еще будет время узнать друг друга поближе. Если примите мое приглашение, вы не пожалеете.

– Я подумаю над этим, – сказала Элен. – Возможно, мне будет лучше у Ронни.

– Он – ваш друг, можете поступать как пожелаете.

Элен в изнеможении закрыла глаза. Было шесть часов утра. У нее все сорвалось, даже ее драматический уход.

Очутившись к коридору, Элизабет произнесла в едва видимый микрофон, прикрепленный к лацкану костюма:

– Ванг... Вы меня слышите?

– Да.

– Надо поставить охранника перед дверью мисс Алле. Палата 44 на третьем этаже.

Спустившись на первый этаж, она постучала в дверь и вошла в кабинет администратора больницы. Назвалась и сказала:

– К вам поздно ночью доставили молодую женщину. Ее зовут Элен Алле...

Когда служащий понял, что его посетительница готова платить за все, он стал очень любезным.

– Чем я могу вам помочь?

– По причинам личного характера я хотела бы, чтобы вы согласились на присутствие охранника у двери палаты мисс Алле.

– Есть причины? Она в опасности?

– Ею может заинтересоваться пресса, – сказала Элизабет. Он отнесся к этому со всей серьезностью.

– Конечно, – сказал он. – Ваше имя?..

– Элизабет Кларк-Гаррисон.

Фамилия Гаррисон в несколько последних месяцев стала очень известной в Калифорнии. Все знали, что толстый миллиардер выставил свою кандидатуру на пост мэра Нового Орлеана. Всякий раз, когда упоминалось его имя, комментаторы принимались перечислять список его добрых дел, включая посылку грузовиков с надписью «ГАРРИСОН» с одеждой и продуктами питания после обрушившегося на

Луизиану циклона.

– Хорошо, мадам, – сказал он. – Мы сделаем все, чтобы вы были довольны. У нас собраны лучшие врачи...

– Знаю. Здесь была спасена жизнь этой молодой женщины. Я просто хочу оградить ее от любопытства средств массовой информации.

* * *

Элизабет вышла из здания больницы, села в лимузин и велела Вангу отвезти ее на бульвар Вайлшир, где жил ее любовник, друг, союзник, тот, кого она называла «второй половиной исправленной жизни». Джон Крег, англичанин по происхождению, которого некогда прозвали Лордом за его элегантность. Когда-то он спас жизнь маленького сына Элизабет, который стал жертвой похищения, а теперь старался держать этого мальчика, ставшего уже двадцатилетним молодым человеком, подальше от кокаина. Джон был специалистом по наркотикам в ФБР. В тяжелые годы, когда Гаррисон обеспечивал срочные поставки в один из регионов США, он сумел внедриться к миллиардеру и там повстречался с Элизабет. Тогда молодая женщина нуждалась в защите. Теперь же она правила целой империей. Гаррисон изменил направление своего бизнеса. Теперь он имел дело с Китаем, занимал доминирующее положение на рынке информатики, ввозя в страну продукцию и продавая ее по низким ценам.

Его состояние росло прямо на глазах. Из любви к Элизабет – и, главное, из преданности ей – Лорд согласился какое-то время жить с Джимми. Его надо было изолировать от предмета его страсти: от Хлоэ, с которой он познакомился в университете в Великобритании. Именно она пристрастила молодого человека к наркотикам. Она сейчас проходила курс лечения от наркотической зависимости в Англии, а мать перевела Джимми в Лос-Анджелес.

Лимузин остановился перед шикарным небоскребом. Начиная с тридцатого этажа, каждая квартира имела террасу. При покупке квартиры Гаррисон, узнав ситуацию в семье дочери, заметил: «Ты хочешь поселить здесь бывшего наркомана, у которого только одно желание: снова достать кокаин. И тут ты даешь ему трамплин, чтобы он смог броситься вниз?» Элизабет возмутилась: «Не говори мне такие ужасы! С ним находится Джон, и он поможет ему вылечиться». – «Да, да... – сказал тогда Вильям. – Он ему поможет...» Элизабет набросилась на отца, как дикий зверь. «Все это произошло по твоей вине! Это ты заполнил весь рынок этим грязным зельем! Твой внук стал его жертвой. А теперь ты стал Вашим Величеством Добрые дела. Но по сути весь ужас в тебе». – «Выходит, ты все так же меня ненавидишь? – сказал ей Вильям. – Я-то думал, что мы помирились». – «Да, – ответила ему Элизабет, – но не надо предсказывать несчастье. Если с Джимми что-нибудь случится из-за наркотиков, ты тоже умрешь, это я тебе гарантирую».

Подобные стычки между ними уже случались. Вильям понял, что Элизабет была охвачена страстью к обладанию власти и что она хотела забыть свое прошлое. Не она ли опустилась на самое дно, но спаслась, стала благодаря его содействию звездой в Нью-Йорке, а потом и в Лос-Анджелесе? В бутиках Картье, Сакса или еще где-то она не платила денег, только подписывала счета, а затем его секретариат их оплачивал. Единственными ее слабыми местами были ее сын Джимми и ее любовник, привязанность к которому бросалась в глаза.

Она вошла в здание. Первый охранник низко поклонился ей и открыл дверь из двойного пуленепробиваемого стекла. Второй, увидев Элизабет, бросился к лифту и вызвал его до того, как услышал ее быстрое «*морнинг*». Элизабет вошла в кабину лифта, которая ракетой взмыла на сорок второй этаж и остановилась прямо в холле квартиры. Гаррисоны отличались тем, что в их жилища могли входить или смертельные враги, или близкие друзья, и никто другой. Стоило охраннику на секунду отвлечься, и все семейство могло быть убито.

Справа, в конце коридора, располагался спортивный зал, где Крег заставлял Джимми заниматься физическими упражнениями – шагать по подвижной ленте тренажера, поднимать тяжести – и другими элементами тренировки. Джон оставил Джимми наедине с устройствами, которые надо было тянуть, толкать, сжимать, и вышел в холл. Элизабет бросилась к нему, он обнял ее и почти машинально поцело-

вал. Десять лет полной превратностей любовной связи, разрывов, сеансов любви по необходимости не способствовали возрастанию страсти. Элизабет обеспокоено посмотрела на него.

– У тебя есть для меня неприятные новости?

– Увы, да, – сказал Лорд. – Но пока не время о них говорить.

– Я остаюсь здесь, – сказала она. – Сейчас приму душ, лягу в постель и буду ждать тебя.

– Нет. У меня важная встреча, мне надо идти. Оставляю Джимми на тебя.

– Что за встреча? – нервно спросила она.

– Потом, все расскажу потом.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала она.

– Хочешь погладить по голове твоего сенбернара, чтобы он снова захотел тебя спасти? Тебя снова засыпало лавиной?

– Мне не нравится твой английский юмор, – сказала Элизабет. – Что случилось? Что изменилось в наших отношениях?

– Обсудим это позже, – ответил Джон. – Иди спать.

Ему хотелось добавить, что бессонные ночи оставляют свои следы даже на самом красивом лице, но он промолчал. Не стоило ее обижать. Надо просто уйти от нее. И чем скорее, тем лучше.

8

«Значит, скоро с Джоном все закончится», – подумала Элизабет, которая опасалась разрыва с любовником больше из-за Джимми, которого тот спасал, нежели из-за того, что останется одна. Машинальным движением она сняла с себя кольцо, положила его на столик рядом с кроватью, где лежала стопка газет Джона. Он пришел к ней и поцеловал ее в шею.

– Еще раз до свидания. Как вернусь, сразу приду к тебе.

– Я – не твоя обязанность, – сказала она, – и к тому же я падаю от усталости. Не бросай Джимми сейчас, пожалуйста... И... не мог бы ты подать мне стакан воды...

– Сейчас.

Он подошел к бару и налил для Элизабет воды «Перье» в большой хрустальный стакан. Она с жадностью выпила его и сказала:

– Если Джимми так увлечен фильмом, если он считает, что в него верят, он будет наполовину спасен.

– Думаю, что ты права, – сказал Джон. – Не будь мы с тобой рабами пристрастия твоего сына к наркотикам, у нас могла бы получиться совместная жизнь.

– Ты хочешь, чтобы я его бросила?

– Не знаю. Ты диктуешь правила жизни Джимми. Ты диктуешь всем. В настоящий момент твой сын думает только о фильме. Но достаточно будет малейшего изменения в на-

строении Шиллера, если он не захочет его снимать, Джимми снова возьмется за наркотики.

– Шиллер нуждается в моих деньгах. Пожалуйста, потерпи еще немного... до начала съемок, потом ты будешь свободен от своего обязательства.

– Я не брал на себя никакого обязательства: я просто хочу тебе помочь. Но жизнь проходит слишком быстро.

Она объяснила:

– Один психиатр из Нью-Йорка сказал мне, что, когда он окунется в надуманную ситуацию, где будет играть роль жертвы наркотиков и жить жизнью потерянного молодого человека, это может вернуть его в реальную жизнь.

– Конечно, – сказал Джон. – За триста долларов в час можно сказать и не такое. Все что угодно! И потом, Элизабет, кто, кроме меня, смеет тебе перечить? Скажи! Даже твой отец...

– Так что я, по-твоему, должна делать?

– Вести себя нейтрально.

– Нейтрально?

– Да. Дай жить окружающим тебя людям.

Элизабет почувствовала усталость.

– Тебе лучше уйти... Я хотела в двух словах рассказать, как я провела эту ночь. Я спасла бывшую жену Шиллера, которая решила покончить с собой в отеле... из-за той истории с опекой ее ребенка.

– Вот как! – воскликнул Джон, – Еще одна «протеже»?

Ты едва даешь дышать живым, и ты же мешаешь кому-то умереть?

– Не хочу, чтобы Шиллер был замешан в какой-нибудь скандал.

Джон с ледяным лицом вышел из спальни. Элизабет была крайне утомлена бессонной ночью, она заснула.

Во время таких приемов, который устроила миссис Кларк-Гаррисон, кинозвезды обычно хотят, чтобы их ласкали, продюсеры – чтобы их хвалили, а режиссеры, постоянно находящиеся на грани конфликта с собственным эго, вечные жертвы тревог и страхов, надеются на публичное признание их заслуг. Шиллер наслаждался славой, своим будущим успехом и своими перспективами на будущее. Надо было распусть слух о том, что Сольвейг должна была провести ночь у него. Он планировал устроить шикарный завтрак – часов около одиннадцати – в саду своей резиденции позади Родео-Драйв. Все, кто жил на Беверли-Хиллз, в Вествуде или Бель-Эре, принадлежали к одному обществу, обществу денег и славы. Те, кто по каким-то причинам разорялся, молча исчезали.

Вот уже много месяцев Шиллер опасался того, что Элен приедет в Лос-Анджелес. Ему достаточно было сказать только слово, и она лишилась бы права въезда в США, но он все колебался. Не стоило снова взбалтывать тину. Отсутствие средств должно было автоматически заставить Элен покинуть эти места. Она хотела найти решение. Раз в год она могла бы видаться с сыном здесь, на месте, в Лос-Анджелесе, в отеле, который ей указал бы он. Но у нее не хватило бы денег, чтобы воспользоваться этим разрешением.

Никто в надушенных салонах отеля не обратил внимания на суету на заднем дворе. Когда носилки с Элен ставили в «скорую помощь», Шиллер рассыпал комплименты Сольвейг. Режиссер шептал ей на ухо:

– Твоя комната приготовлена, как ты хотела: покой, порядок, тишина, роскошь. У меня дома ты будешь чувствовать себя божественно хорошо. Потерпи еще немного: гости хотят восторгаться твоим блеском.

– Ты так считаешь? – спросила Сольвейг, кладя свою изящную ладонь с накрашенными ногтями на руку Шиллера. – Правда? Все эти люди действительно восхищаются мной?

– Ты – их идол!

С того дня, когда она поняла, как время действует на ее тело, она, как и другие актрисы, ставшие кинозвездами, находилась во власти приступов тревоги и постоянно считала, сколько ей оставалось лет. Ее связь с Шиллером могла обеспечить ей еще три контракта. А потом что, уйти из публичной жизни? Тайно встречать старость на другом континенте? Почему бы ей не стать «старой американкой» в каком-нибудь второразрядном отеле в Италии? Несколько месяцев тому назад, возможно даже год, она начала бояться того, что потеряет место фаворитки этого режиссера. На горизонте появилась одна китайская актриса, красивая и молодая – лет тридцати. Шиллер привез ее из Шанхая. Потом она пропала, как и многие другие. Повезло!

Сюжет фильма *«Потерпевшие кораблекрушение»* беспокоил Сольвейг. Играть роль матери двадцатилетнего парня? «Дорогая Сольвейг, – объяснил ей Шиллер, – всему свое время. Парню всего двадцать лет. Ты могла родить его в очень юном возрасте. В этой роли ты будешь восхитительна. Боль матери, которая видит, как ее дитя погибает: кто выразит это лучше тебя? Твое имя будет на афишах сверху. Ты поднимешь бурю переживаний. Залы будут наполнены попкорном и носовыми платками. Уверяю тебя, Сольвейг, в этой роли ты будешь великолепна». Великолепна? Этого слова было недостаточно. Она потребовала более возвышенной оценки. «Гениальна. Ты будешь гениальна». В ее планы входило после съемок фильма *«Потерпевшие кораблекрушение»* сыграть в фильме *«Анна Каренина»*. Она с удовольствием играет героиню великой русской мелодрамы.

Отношения между Сольвейг и Шиллером представлялись для публики романтическими, но основывались они на чисто коммерческой основе. Сольвейг не верила в физическую любовь, Шиллер занимался ею иногда без особой убежденности, разве только для того, чтобы показать свою мужскую силу. Их занятия любовью были суетливыми и утомительными. Проводя с ней выходные дни, Шиллер понял, что Сольвейг интересовало только ее собственное тело. Теперь же они были нужны друг другу для рекламы.

«Ах, какой вечер!» – воскликнула актриса, садясь в лимузин. Шофер повел машину. Чтобы добраться до темной улочки рядом с Родео-Драйв хватило чуть более двадцати минут.

– Пойдем, – сказал Шиллер Сольвейг.

Он протянул ей руку. Войдя на территорию поместья, она прошла по аллее, поверхность которой была шелковистой, как расстеленный бархатный ковер. Несмотря на близорукость и отсутствие освещения, она увидела справа от них какой-то странный предмет.

– А что там такое? – спросила она, указав усталым жестом на показавшийся в свете луны предмет.

– Качели. А рядом – песочница. У моего сына своя игровая площадка.

– А, – произнесла Сольвейг, – конечно... Вчера я забыла про малыша. Завтра я пришлю ему игрушки. Он любит плюшевые игрушки? Помнит ли он меня? Я так редко здесь бываю.

– Он еще ребенок, – сказал Шиллер.

– А видел ли он меня на экране?

– Сольвейг, ему всего семь лет.

– Сейчас все дети развиты не по годам, – возразила актриса.

– Нет. Он тебя в кино не видел.

Они вошли в салон, находившийся на одном уровне с садом. Навстречу им двинулся телохранитель. Он сказал, что нянька ушла, а ребенок спит. В доме царил порядок. Охранник доложил регистрационный номер лимузина, который стоял недалеко от дома двенадцать с половиной минут.

– Вы навели справки? Чья это машина?

– Она принадлежит миссис Кларк-Гаррисон.

Шиллер почувствовал удовлетворение: вероятно, Элизабет заезжала посмотреть, как он живет.

– Я хочу пройти в мою комнату, – сказала Сольвейг.

Ей хотелось, чтобы Шиллер сегодня от нее отстал.

– Бокал шампанского? – осмелился спросить он.

Она чуть улыбнулась.

– Дай, пожалуйста, стакан воды без газа.

– Давай посидим в салоне, всего несколько минут...

На ее лице появилось выражение боли. Шиллер не понимал, что люди могли устать.

– У меня нет сил, – сказала она. – Уже два часа ночи. Я должна выспаться, чтобы хорошо выглядеть.

– Конечно, – пробормотал Рудольф.

Он повернулся к телохранителю.

– Горничная ушла?

– Да, сэр. Вы не предупредили, чтобы она осталась.

Шиллер покорно подал Сольвейг руку.

– Пойдем, я тебя провожу.

Большая спальня с балконными окнами, завешанными парчовыми шторами цвета увядшей розы, была восхитительна. Сольвейг нежно произнесла:

– Сегодня никакой близости, Рудольф. Я должна отдохнуть.

– Конечно, – с облегчением сказал Шиллер, – Но, коль скоро я здесь, я мог бы помочь тебе раздеться...

– Нет. Оставь меня. Любовь отложим на другой день.

– Как тебе будет угодно!

– Как тебе позвонить по внутреннему телефону?

– Надо нажать на клавишу с цифрой 3, – ответил Рудольф. – Я сразу же приду.

– Отлично, – сказала Сольвейг.

Оставшись одна, она прислушалась. Ей хотелось удостовериться, что никто не явится к ней без предупреждения. Расстегнула до бедер молнию, и платье раскрылось, как раковина. Сольвейг сразу стало легче дышать. Затем она начала вылезать из своего корсета. Сев на кровать, она вздохнула и взмахами ног отправила в дальний угол свои туфли. Обнажившись, она почувствовала опьяняющую свободу. Словно выпила спиртного. Ей захотелось надеть широкий хлопковый халат и домашние тапочки, распустить волосы, снять с лица макияж.

Днем горничная распаковала чемодан, который Сольвейг распорядилась доставить в дом Шиллера. Свою большую косметичку она нашла в ванной комнате. Она долго снимала

макияж, сняла накладные ресницы, положила их в коробочку, которая была в ее косметичке. Нашла среди вещей просторную ночную рубашку. Начать когда-нибудь жить по-другому? Невозможно. Чтобы никто не предлагал ей контракт, чтобы не было восхищения, пусть и на расстоянии, чтобы не иметь любовников, которых она выносила ради благого дела, чтобы не было ни денег, ни лимузинов. Без всех прикрас она не стоит и гроша. В этом она была уверена.

Она вздохнула и легла спиной на мягкую кровать. Подушку она швырнула на пол: к лицу ничто не должно прикасаться. Скатила в валик махровое полотенце и положила его под голову, затем, скрестив руки на груди, принялась глубоко дышать. Благодаря самогипнозу, которому она научилась у одного из голливудских гуру, Сольвейг заснула.

* * *

Расставшись с Сольвейг, Шиллер отправился спать. Он вскоре почувствовал боль, которой так боялся. Едва успев надеть пижамные брюки, он стал тереть свою волосатую грудь. Аллергия. В эту минуту он был совсем не похож на человека с хорошими манерами. Он с дикой силой чесался. «У вас аллергия, – повторил ему врач. – Вместо того чтобы кашлять, вы чешетесь. Я выпишу вам успокоительное лекарство. Принимайте по полтаблетки каждый вечер. Вы сейчас находитесь на вершине вашей профессиональной карьеры,

один ваш успех следует за другим: что же вы хотите? Обратиться к психиатру? Возможно, но хватит ли у вас терпения на то, чтобы освободиться от всех беспокоящих вас проблем путем разговора о них, доверяясь кому-то?» На заре Шиллер все еще продолжал чесаться, как каторжник. Он встал под душ и дал воде возможность охладить чесавшиеся места на теле. А потом плашмя упал на простыни.

Он был весь мокрый, с трудом дышал. Проглотил еще четвертушку таблетки. Ему все-таки удалось успокоиться, когда он подводил итоги. Он добился успеха, у него был сын. Как он его отвоевал? Неважно как, главное – по закону. Эта надоедливая француженка закончит свои дни в старом парижском доме на одной из этих душных улиц на левом берегу, где жили ей подобные люди: там нет ни единого дерева, нет кислорода, так, грязный город-музей. А здесь Элизабет даст ему денег, Воров будет лизать ему руки, Джимми должен будет привыкнуть стоять перед камерой. Оставалась только проблема с фотографом: – тот застал его врасплох вместе с китайской актрисой Су-Иин. Проблемы была вовсе не в фотоснимках: небо не обрушится, если люди увидят рыжую голову Шиллера между бедер его азиатской любовницы. Нет. Девушка сама распространила слухи, против которых он был бессилен. Ее здесь уже не было, но слухи разрастались. А если люди поверят этой негодяйке... «Не надо больше об этом думать», – пробормотал он, взбивая подушку.

Открылась дверь. Он удивленно застыл. Стука в дверь он

не слышал. Он натянул на себя простыню. Лица его не было видно, он был в темноте.

– Кто тут?

– Папа?

Он встал, обернув тело простыней.

– Тимоти, любовь моя, тебе не спится?

– Нет. Могу я лечь в твою постель?

Он пришел к нему, этот украденный ангелочек, с детскими кудряшками, с глазками, покрасневшими он слез и сна. Шиллер, как смог, привел кровать в порядок.

– Иди сюда, иди!

Шиллер прижал простыню к своей груди, словно хотел сдавить ее, стереть, заставить исчезнуть расчесанные места. Ребенок прижался к нему и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.